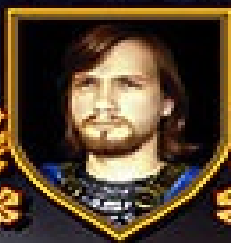

Александр Рудазов

Призрак

Сознание определяет бытие!

Annotation

Алексей Данилюк — самый обыкновенный человек с совершенно обыкновенной внешностью, работой и биографией. Точнее, он был самым обыкновенным человеком до определенного момента. Но в один прекрасный день с ним произошло нечто... в общем-то тоже совершенно обыкновенное.

Он просто умер. Это со всеми однажды происходит. Однако после смерти Данилюка ожидало... да то же самое, что ожидает всех остальных. Он покинул свое бренное тело и стал бестелесным духом. Рутинa, повседневность.

Александр Рудазов

Призрак

Глава 1

Алексей Данилюк не ожидал от этой среды ничего особенного. Он полагал, что та пройдет в точности как всегда. И вплоть до конца рабочего дня так и было. Но вечером, когда Данилюк уже ехал домой, с ним произошло довольно-таки неприятное происшествие.

Он умер.

Конечно, это не назовешь каким-то особенным событием. С каждым человеком случается хотя бы раз. Некоторые переживали это даже дважды... очень немногие, но бывает и такое.

И вот сегодня это случилось и с Данилюком. Внезапно, неожиданно, очень некстати и намного раньше, чем полагается по статистике. Данилюку было всего двадцать восемь лет.

Он ничем не болел и не принадлежал к группе повышенного риска. Просто несчастный случай на дороге. Данилюк проезжал перекресток Ново-Вокзальной и Карла Маркса, когда слева вылетел другой автомобиль. Его водитель отвлекся на телефонный звонок и промчался на красный свет. В последний момент он все-таки спохватился, ударил по тормозам... но уже слишком поздно.

Дверь со стороны водителя смяло в гармошку.

Данилюк не сразу понял, что вообще произошло. Вот он сидит за рулем и спокойно едет домой, а вот он уже... осознал себя он тоже не сразу. Сначала была очень резкая, но и очень короткая боль. Потом какая-то мешанина в голове, перед глазами... а потом... потом он почему-то стоит на дороге, рядом с разбитой машиной.

Он даже отметил мысленно, что машина удивительно похожа на его собственную...

Первые две-три минуты Данилюк все еще полагал себя живым. Очень сложно принять то, что теперь ты мертв. Данилюк растерянно вертел головой, пытаясь сообразить, когда успел выйти из машины и что случилось с глазами. Мир вокруг странным образом обесцветился, стал тусклым и невыразительным. Все словно заволочло густым туманом, очертания людей поблекли, голоса куда-то отдалились.

Стоял Данилюк посреди оживленного перекрестка. Но прямо сейчас движение резко замерло. Машины проезжали бочком-бочком, зеваки все больше накапливались, а в центре кутерьмы пригорюнилась разбитая серая «Лада», выглядящая ужасно знакомо...

— Оу, — только и сумел выговорить Данилюк, наконец разглядевший то, что сидело на переднем сиденье.

Смотрел он на это еще минуты две. Далеко не каждый день видишь собственный труп, да еще в таком неприглядном виде.

Похоже, погиб Данилюк мгновенно.

Он поднял руки к глазам. Вопреки ожиданиям, те не были прозрачными или еще какими-то. Самые обычные человеческие руки, точно такие же, какими были всегда. Все тот же сломанный ноготь на правом безымянном пальце, все та же родинка на левом запястье...

Никаких изменений.

Рядом с машиной хлопотал какой-то мужик. Выглядел он потерянно, если не сказать убито. Наверное, это именно он совершил наезд. Теперь у него отберут права, оштрафуют, а то и посадят... но Данилюку с этого уже никакого прока.

Почему-то страха совсем не чувствовалось. Не чувствовалось и печали от того, что умер во цвете лет. Возможно, потому, что тело с его сердцем, нервами и железами осталось

размазанным по ремню безопасности. Бестелесный дух оказался менее эмоциональным, чем была физическая оболочка.

Впрочем, Данилюк и при жизни был человеком флегматичным. Сейчас он почти равнодушно смотрел, как подъезжают ДПС и медики, как из разбитой машины выволакивают изуродованное тело... его, Данилюка, тело. Со стороны оно смотрелось как-то странно и чужеродно — словно кукла, восковая фигура.

Хотя крови из него выплеснулось порядочно. Данилюк и не думал, что в нем ее так много.

— Куда меня теперь, в морг? — обратился он к ближайшему полицейскому. — Родителям позвонить бы надо...

Сказал он это по инерции, машинально. И сразу же понял, что понапрасну открыл рот — полицейский не отреагировал. Да и все остальные как будто не замечали Данилюка... хотя почему как будто? Они его действительно не замечали. Он же умер, все логично.

До сего момента Данилюк полагал, что призраков не существует. Но раз он ошибался, раз они таки существуют... нетрудно догадаться, что живые их не видят и не слышат.

Жаль, конечно, но ничего не попишешь.

Он еще попробовал привлечь чье-нибудь внимание. Обращался ко всем, кто был поблизости, старался коснуться — но его полностью игнорировали, а рука проходила насквозь. Выглядело это слегка жутковато, и Данилюк оставил попытки.

Еще некоторое время он наблюдал, как его труп осматривают, констатируют смерть, грузят и куда-то увозят. Хотел отправиться следом, но замешкался, не сообразил вовремя влезть в машину. В итоге «скорая» укатила с бранным телом Данилюка, а его бесплотный дух остался на месте аварии.

Просто торчать там явно не имело смысла, так что он побрел куда глаза глядят.

Честно говоря, Данилюк понятия не имел, что делать дальше. Его ведь даже никто не видел... хотя нет, кое-кто все-таки видел. Бродячий кот. Пробегая мимо, тот вдруг замер, повернул голову и очень внимательно посмотрел прямо на Данилюка.

— Кис-кис... — вяло бросил тот.

Кот презрительно фыркнул и бросился наутек. Кажется, ему не хотелось общаться с привидением.

Но, кроме него, Данилюка не замечал никто. Прохожие скользили мимо смутными тенями, автомобили бесшумно ехали где-то на грани видимости, здания превратились в плохо различимые силуэты, огромные темные массы.

Поначалу Данилюк не мог толком разобрать даже людских лиц. Казалось, что мир погрузился в вечный сумрак. Однако по мере того, как наступал вечер, видимость странным образом улучшалась. Мир становился четче, контрастнее.

Сложив два и два, Данилюк догадался, что призраки видят как бы в негативе — чем темнее, тем лучше. Свет же, наоборот, ухудшает видимость — чем ярче, тем хуже.

Или не все призраки, а конкретно он. Данилюк пока еще не был уверен, насколько происходящее нормально. Так со всеми бывает после смерти? Или это с ним одним случилось что-то... непонятное?

Неприятных ощущений Данилюк не испытывал. Собственно, он вообще никаких ощущений не испытывал. Эмоции остались, хоть и приглушенные, а вот физические, чисто телесные чувства... Никаких признаков усталости, никаких признаков голода. Все это осталось там, с мышцами и желудком.

Холод тоже растворился. Конец февраля, минус двенадцать по Цельсию, а кажется, будто он у себя в комнате. Конечно, на нем зимняя куртка... кстати, почему она по-прежнему на нем? У вещей тоже есть свои призраки, что ли?

Руки, ноги и прочие части тела Данилюка выглядели как и прежде. Лица же своего он увидеть не мог. Пробовал смотреться в витрины, но не особо удивился тому, что не отражается в них.

Хотя... В витринах-то он не отражается, а вот что насчет... Данилюк порывлся в карманах. К его радости, там лежали все те же предметы, что и при жизни. Похоже, у вещей и в самом деле тоже есть свои призраки. Не очень понятно, как это работает, но... почему бы и нет? Голыми привидения вроде бы не ходят, а если у них есть одежда — что мешает быть носильным вещам?

Конечно, Данилюк не знал о привидениях ничего, кроме того что читал в книжках или видел в кино и на ТВ. По большей части это были сказки, фильмы ужасов и псевдонаучные передачи, которые обожала его бывшая. Вряд ли там много достоверных сведений.

Но других-то источников нет.

Прежде всего Данилюк осмотрел смартфон. Точнее, не его даже, а себя. Включил фронтальную камеру и долго разглядывал свое лицо — такое родное и знакомое.

Оно тоже несколько не изменилось. Все тот же аккуратный овал, пара карих глаз, прямой нос, крошечный шрамик на нижней губе, которым Данилюк обзавелся еще в детстве. Гладко выбритый подбородок, темно-русые волосы — не длинные, но и не короткие. Все в точности как прежде.

И свое лицо Данилюк видел не мутным, не расплывчатым. Себя самого он видел четко и ясно. Словно это как раз он живой и настоящий, а все вокруг — призраки, бесплотные тени.

Смартфон тоже несколько не изменился... снаружи. Связи не было, Интернет не ловился, а многие приложения просто отказывались запускаться. Данилюк зашел в календарь, в переводчик, попытался записать голос на диктофон — все в общем работало, но как-то неуловимо отличалось. Сделав несколько фотографий улицы, он аж вздрогнул — вместо зданий, машин и прохожих там клубилась непонятная муть.

В любом случае связаться по этому призрачному смартфону ни с кем не получалось, проку в нем пока что не было, так что Данилюк сунул его обратно в карман. Может, потом все же пригодится для чего-нибудь.

Остальные вещи тоже остались на своих местах. Кошелек все так же лежал во внутреннем кармане, и в нем была ровно та сумма, что и до смерти. Восемь тысяч семьсот пятьдесят девять рублей и пятьдесят копеек. Кроме того, две банковские карты и пять разных скидочных.

Вряд ли ими теперь можно что-нибудь где-нибудь оплатить.

Еще при Данилюке были ключи от квартиры и вскрытая пачка жевательной резинки. Он машинально бросил одну подушечку в рот... и там возник вкус жвачки! Небо окатило мятной волной, деснам стало свежо и чуточку прохладно. Все как и должно быть.

Получается, призраки тоже могут есть и пить? Ну или по крайней мере жевать жвачку. Что ж, новость приятная — хоть одного удовольствия Данилюк не лишился, пусть и крошечного.

Конечно, одной вскрытой пачки хватит ненадолго... хотя нет! Данилюк в изумлении обнаружил, что подушечек там по-прежнему девять. Он купил эту жвачку сегодня утром, за день сжевал три подушечки, и сейчас вот жует четвертую. Должно оставаться восемь.

Но их девять.

Данилюк решил, что просто ошибся. Обсчитался. Может, при жизни он сжевал не три подушечки, а две — в конце концов, он же не следил. Или, может, в пачке изначально было тринадцать штук... хотя должно быть двенадцать, так даже на упаковке написано. Вот, русским... английским языком: «12 pieces».

Чтобы избавиться от сомнений, Данилюк сунул в рот еще одну подушечку. Теперь их осталось восемь, все правильно. Значит, он и в самом деле просто обсчитался, бывает.

Но уже сунув пачку в карман, Данилюк вдруг решил снова перепроверить. Он достал ее, посмотрел... и подушечек опять было девять.

— Ясно... — очень медленно произнес Данилюк.

Хотя ни черта ему не было ясно, конечно. Единственное, что он понял — некоторые прежние правила в мире призраков уже не действуют.

Ну... почему бы и нет. Если вдуматься, эти дурацкие девять подушечек — сущая мелочь, чепуха в сравнении с тем, что Данилюк вообще-то мертв. В сравнении с тем, что он теперь призрак.

Но по крайней мере, у него всегда будет жвачка. Хоть какой-то плюс.

Данилюка все сильнее беспокоил простой вопрос — что дальше? Что ему теперь делать? Как быть, куда податься? Не шататься же и дальше бесцельно до... до конца своих дней?.. Так он вроде как уже состоялся.

Конечно, Данилюк не имел понятия, что собой представляет жизнь после смерти. Но ведь наверняка должно что-то произойти? Какой-нибудь тоннель света, какой-нибудь потусторонний зов... ну хоть что-нибудь. Вряд ли после смерти ты просто становишься невидимкой и тупо бродишь по улицам. Если бы это было так, повсюду слонялись бы другие духи, а Данилюк пока ни одного не встретил.

Хотя... может, это все временное? Может, через часок-другой он окончательно прекратит существовать? Может, он вовсе и не призрак никакой, а какая-нибудь... остаточная активность? Может, его мозг еще не окончательно умер, и вот это все — просто предсмертные галлюцинации?

Если так, можно вообще не напрягаться.

Но тут... тут Данилюк вдруг увидел другого призрака.

Правда, не человека. Навстречу бежал дух собаки.

Хотя поначалу Данилюк не понял, что это именно дух. Собака выглядела совершенно нормальной собакой — кавказская овчарка, по виду бродячая. Лохматая, слегка взъерошенная, но не прозрачная, не светящаяся, или как там должны выглядеть призраки.

Но в том-то и дело, что она выглядела нормально. Четкие контуры, яркие цвета. Никакой туманности и расплывчатости, как у всех остальных предметов. Как у людей и того кота. Собака выглядела точно так же, как сам Данилюк. Как его смартфон, как жвачка.

Данилюк подошел ближе и остановился. Собака тоже остановилась, уставилась прямо на него и приветливо гавкнула. Само по себе это ни о чем не говорило — кот тоже его видел. Но кот был туманным и расплывчатым, а собака — нет.

Задумчиво хмыкнув, Данилюк коснулся жесткой шерсти, погладил. Собака на ощупь была... как собака. Рука на сей раз насквозь не проходила, ощущала твердое. Пес добродушно вильнул хвостом, лизнул Данилюку руку — и язык был влажным, чуть шершавым.

Может, все это тоже просто часть галлюцинации? Да нет, вряд ли...

И вообще — ну его на хрен, такие рассуждения. А то этак можно дорассуждаться до

того, что вся прежняя жизнь тоже была галлюцинацией, а на самом деле он лежит в «Матрице» и видит цветные сны.

Лучше уж считать, что все именно так, как кажется.

— Привет, парень, — сказал Данилюк. — Ты чей? Тебя как зовут?

Джувльбарс — откуда-то всплыло в голове.

Данилюк моргнул. Пес явно ничего не говорил. И на телепатию тоже не похоже... хотя откуда Данилюку знать, на что похожа телепатия?

Так или иначе он почему-то теперь знал, что пса-призрака зовут Джувльбарсом. Тот еще раз вильнул хвостом и неспешно затрусил своей дорогой, оставив Данилюка смотреть ему вслед.

Постояв еще немного, он огляделся по сторонам и, пусть не сразу, сориентировался на местности. Пройдя по Карла Маркса, он свернул на 22 Партсъезда, миновал парк Гагарина и незаметно для себя оказался возле торгового центра.

Брести в никуда Данилюку уже надоело, так что он решил зайти.

Ни продавцы, ни посетители его тоже не замечали. Данилюк немного пошарахался там и сям, погулял по точкам, поглазел на новую коллекцию джинсов. Слегка подосадовал, что у него таких уже никогда не будет.

Потом поднялся наверх, в кинотеатр. Решил убить немного времени за просмотром фильма. Билет, понятно, покупать не стал — да и как бы он смог? Просто дождался ближайшего сеанса, прошел в зал и уселся на свободное место.

Началась реклама. Киноэкран, как и все остальное, казался Данилюку размытым, затуманенным, но не так сильно, чтобы нельзя было смотреть. Он задумчиво отправил в рот жевательную резинку... и тут прямо на него кто-то сел!

Просто припозднившийся зритель. Разумеется, он даже не подумал, что в этом кресле сидит призрак. И извиниться тоже не подумал — да и не заметил ничего, конечно. Плюхнулся, поставил рядом ведро с попкорном и принялся смотреть фильм.

Данилюк же подскочил как ошпаренный. Ощущение было... не сказать чтобы неприятным, но очень неожиданным. Так бывает, когда засыпаешь, уже проваливаешься в сон, но вдруг вздрагиваешь и резко приходишь в себя.

Можно было просто сесть на соседнее сиденье и продолжать просмотр, но Данилюку почему-то уже не хотелось. Стараясь больше никого не касаться, он прошел между рядами и... замер у двери.

Та, естественно, была закрыта. Данилюк, естественно, открыть ее не мог.

Он попытался коснуться ручки — пальцы прошли насквозь. Данилюк подумал, что придется-таки ждать окончания сеанса... а потом едва не хлопнул себя по лбу. Он же теперь призрак. Бесплотный дух.

Ну так зачем ему спрашивается, открывать эту дверь?

Пройдя прямо сквозь нее, Данилюк обернулся. Нет, никаких следов не осталось. Никакого эктоплазменного пятна, или что там положено. Он просто прошел сквозь дверь... и при этом его снова странным образом пробрало. Гораздо слабее, чем было с человеком, но все равно чувствовалось.

Следующие полчаса Данилюк развлекался, просовывая руки и голову сквозь стены. Для призрака те были не плотнее воды. Несколько раз попробовал так и с людьми, но тут оказалось посложнее. Не все, но многие люди вздрагивали, когда он это делал, озирались, явно чувствуя что-то неладное. Да и сам Данилюк испытывал какие-то неприятные

ощущения, так что решил прекратить.

К тому времени, когда он покинул торговый центр, на город окончательно спустилась ночь. Однако для Данилюка, наоборот, стало светло как днем. Уже оправившийся от шока, смирившийся с гибелью, он с любопытством глядел по сторонам — и постепенно стал замечать много интересного.

Он таки оказался не единственным призраком в городе. По мере того как темнело, их становилось все больше. Далеко не так много, как живых, но тем не менее. То тут, то там Данилюк видел среди размытых силуэтов четкие ясные фигуры — теперь он понимал, что это другие духи. Не только люди — попадались животные и даже неодушевленные предметы.

Данилюк очень внимательно осмотрел целое здание, четырехэтажную хрущевку, на месте которой в мире живых располагался просто кусок тротуара — он хорошо это помнил. Дом снесли еще пять лет назад, когда перестраивали улицу. А в мире духов он, оказывается, по-прежнему стоит.

Живые, разумеется, призрак здания не замечали. Прямо на глазах Данилюка ночные прохожие спокойно входили в стену, появляясь уже с другой стороны. Данилюк попробовал тоже пройти — но вот как раз для него-то эта стена оказалась непреодолимой преградой!

Пришлось обходить призрачное здание по мостовой. Сквозь Данилюка тут же проехала машина, и он сдвинулся левее, на трамвайные рельсы — и тут сзади как раз задрезало.

— Я думал, в такое время трамваи уже не ходят... — пробормотал он, уступая дорогу.

Оказалось, что он не ошибся. Подъехавший вагон был старинным — с деревянными сиденьями и чугунными калитками вместо дверей. Данилюк такой модели ни разу и не видел. И он не был размыт — четкий, ясный.

Трамвай-призрак.

Салон не пустовал. Оттуда слышались шум, смех, пьяные крики. Тоже сплошь призраки — они горланили, пели песни, распивали спиртное, а где-то в середине, кажется, даже дрались.

Проезжая мимо Данилюка, трамвай замедлил ход, а потом остановился совсем. Из кабины выглянул вагоновожатый — очень представительного вида, в фуражке, с пышными черными усами. Он окинул Данилюка придирчивым взглядом и сказал:

— Пожалуйте-с. Имеются свободные места-с, прокатим с огоньком.

Данилюк медлил. В принципе он не возражал прокатиться... но что-то его останавливало. Не внушала доверия эта веселая компания. К тому же он решил-таки пойти домой — а трамвай ехал в другую сторону.

— Спасибо, я пройду, — вежливо ответил Данилюк.

— Ваше право-с, — холодно ответил вагоновожатый.

После трамвая-призрака Данилюк встречал других духов еще несколько раз. Никто из них не выказал к нему интереса. Большинство выглядело... как-то нездорово. Нет, никаких цепей, отрубленных голов или черепов вместо лица. Просто вид у них был квелый, потерянный. Словно наркоманы под кайфом.

Один, например, просто стоял у стены с опущенными руками и головой. Он не шевельнулся, когда Данилюк шел мимо, ничего не ответил, когда тот поздоровался. Манекен — не человек.

Другой, наоборот, передвигался очень быстро. Но по кругу. Сосредоточенно глядя перед собой, он спортивным шагом обходил скверик — раз за разом, раз за разом.

Еще одна девушка плакала. Совсем молодая, она сидела на скамейке и горько рыдала. Данилюк посочувствовал, спросил, что случилось, — но ответом стали только еще более бурные рыдания. Девушка закрыла лицо ладонями, отдаваясь своему горю истово, самозабвенно. Данилюк немножко подождал, постоял рядом — плач все не унимался.

А после... после Данилюк увидел кого-то нового. Сначала даже не понял, кого именно... да и потом тоже. Это была какая-то жуткая дрянь, зубастое чувырло, лишь отдаленно смахивающее на человека. И не одно, а два — они быстро-быстро бежали сюда на четвереньках.

Плачущая девушка мгновенно прекратила плакать. С явным ужасом поглядев на этих непонятно кого, она вцепилась что есть сил в скамейку и... растаяла в воздухе. Просто взяла и растворилась.

— Ого, — только и смог сказать Данилюк.

Судя по такой реакции, встречаться с этими уродами — не самый разумный поступок. А поскольку исчезать Данилюк не умел, он бросился наутек.

Твари шли по пятам уже минут десять. Данилюк не уставал, но и они явно тоже. И двигались они быстрее улепетывающего призрака — самую чуточку, но все же быстрее. Их разделяло уже всего метров пятнадцать — и расстояние продолжало сокращаться!

— Да что вам надо-то?! — крикнул на бегу перепуганный Данилюк.

Твари не ответили. Но Данилюк догадывался, что им надо. Очень уж жадно они пялились, очень уж широко разевали пасти.

Как голодные собаки.

Конечно, они могут оказаться безобидными зверушками, которые просто хотят поиграть... но в это почему-то не верится.

При жизни Данилюк мало занимался спортом. Он раз в неделю посещал фитнес-центр, но больше из чувства долга. Бывшая убедила его приобрести годовой абонемент, и ему хотелось что-то получить за свои деньги. Но он в основном вышагивал там по кардиодорожке и плескался в бассейне.

Так что при жизни Данилюк никак не сумел бы удрать от этих уродов. У него давно бы уж закололо в боку — дышалка всегда была ни к черту. К счастью, призрак от этой проблемы оказался избавлен... или нет?!

Странное дело. Как только Данилюк подумал, что должен уже выдохнуться, как только представил себе это воочию — так сразу почувствовал, что действительно начинает выдыхаться! Откуда-то поднялись ровно те же ощущения, что бывают после хорошей пробежки у неспортивного человека.

Очень неприятные ощущения.

Данилюк решил, что это психологическое. Воображение разыгралось. Он же теперь призрак — у него нет легких, он не дышит! Надо просто отбросить эти мысли, снова просто бежать, как бежится... но отбросить не получалось! Раз подумав об этом, Данилюк уже не мог расстаться с зудом в голове — он устал, он выдохся, он сейчас упадет...

А твари уже только что не хватали за пятки. Данилюк рискнул обернуться и вздрогнул — от жутких кривых клыков отделяло метров десять. Еще чуть-чуть, и... а что произойдет?.. Разве можно умереть во второй раз?

Похоже, сейчас он это узнает.

Данилюк пытался звать на помощь, но других призраков близко не было, а живые не видели ни его, ни преследователей. Да и было этих живых всего ничего — ночь ведь...

Данилюк совсем отчаялся, когда один из поздних прохожих привлек его внимание. Вроде бы обычный старичок — седенький, сутулый, — но как будто охваченный пламенем.

Хотя не пламенем, конечно, — просто вокруг разливалось странное марево. Мягкое такое, как от лампы дневного света.

Уже само по себе интересно. А когда Данилюк к нему приблизился — висящие на хвосте твари вдруг замедлили бег. Данилюк снова рискнул обернуться — и увидел, что те морщатся, фыркают, явно не желая подходить к этому человеку-факелу.

Данилюк решил, что хуже уже не станет, и подошел к старичку поближе. Ему это марево не причинило вреда — светит себе и светит. Но клыкастые бестии шарахались от него, как от огня, так что Данилюк решил прибиться пока к этому «островку безопасности».

Старичок неспешно семенил по ночной улице, кутаясь в... приглядевшись к

затуманенному силуэту, Данилюк распознал рясу. Похоже, поп. Выходит, эти твари их боятся? Кто же они такие — черти, что ли? Или еще какая нечисть?

Как бы то ни было, Данилюку это на руку. Подладившись к довольно медленному шагу попики, он пошел рядом с ним. Твари продолжали ползти следом — но теперь все медленнее, боясь подступиться. Разрыв с каждой минутой увеличивался, и Данилюк стал успокаиваться.

К сожалению, совсем твари не ушли. Не подходили ближе чем на десяток шагов, но по-прежнему сверлили Данилюка жадными взглядами. Вид у них был... голодный.

А потом не подозревающий о призрачном попутчике поп достиг цели. Небольшой церквушки... или часовни. Данилюк не знал, чем они различаются.

Старичок пошарил в карманах, достал кольцо с ключами, отпер дверь и вошел. Данилюк двинул было за ним — но не смог. Ни сквозь стену, ни даже в открытую дверь — его просто не пускало внутрь. Отталкивало чем-то невидимым.

Твари издали довольное похрюкивание и стали красться к нему. Данилюк отчаянно заколотился в незримый барьер — нет, не пропускает.

— Не получится, юноша, — раздался негромкий голос. — Можете даже не стараться.

Данилюк повернул голову — и увидел другого призрака. Интеллигентного вида господина лет пятидесяти — лысоватого, с аккуратной бородкой клинышком и длинными, чуть заостренными усами. Одет он был в серый то ли пиджак, то ли мундир, а на груди алело кровавое пятно.

— Если хотите жить — бегите за мной, — спокойно сказал призрака, швыряя клыкастым тварям камень.

Те метнулись за ним, как собаки за мячиком, но тут же распознали обман и опять побежали к Данилюку. Но тот уже удирал в другую сторону, стараясь не отставать от этого доброго самаритянина. Данилюк не знал, кто он такой, почему помогает, но особого выбора у него не было.

— Шире шаг, молодой человек! — скомандовал незнакомец. — Ретируемся сломя голову!

Данилюк послушно бежал за ним. В боку уже совсем не колело... но как только он об этом вспомнил, тут же снова начало колоть! Данилюк постарался не обращать на это внимания, а лучше — совсем забыть.

— Что это за монстры?! — спросил он на бегу, чтобы отвлечься.

— Голодные духи! — бросил в ответ незнакомец.

— Голодные духи?..

— Именно! А еще Пожиратели! Или Брошенные! Их по-разному называют... так, давайте-ка вон туда!

Голодные духи не отставали. Они гнали жертв, как охотящиеся волки. Данилюк очень надеялся, что его спутник знает, что делает, — иначе... он боялся думать о том, что будет иначе.

По счастью, тот знал. Довел Данилюка до ближайшего здания и пробежал вместе с ним в стену. На секунду мир вокруг исчез, перед глазами стало черным-черно, а потом они вывалились с другой стороны, уже в чьей-то квартире. С ужасно высокими потолками, диковинной мебелью...

— Приподнимитесь, — посоветовал другой призрака, как-то странно дергаясь кверху.

Данилюк опустил взгляд и сообразил, что квартира-то самая обычная, просто он по

пояс погружен в пол. Ну правильно, ведь даже первый этаж обычно находится выше уровня земли.

Выдернуться с непривычки оказалось непросто. Данилюк пытался ухватиться за половицы, за мебель, но руки проскальзывали сквозь них. В конце концов спутник подал ему руку и подтянул кверху.

— Что это за место? — с любопытством огляделся Данилюк.

— Да просто чья-то квартира, — пожал плечами его спаситель. — Кажется, мы еще не представлены, молодой человек. Я, с вашего позволения, Тряпочкин, Порфирий Михайлович, весьма рад знакомству.

— Алексей Валерьевич... можно просто Алексей, — представился Данилюк. — Взаимно. Спасибо, что выручили, Порфирий Михалыч... а-а... эти голодные духи за нами следом-то не войдут? Они ведь тоже призраки... или кто они такие?..

— Нет-нет, насчет этого не беспокойтесь, — заверил его Тряпочкин. — Голодные духи, к нашей с вами удаче, не умеют проходить сквозь стены. Просто не понимают, что это возможно. Для них стена — это... ну, как красные флажки для волков. Не преграда совсем, но... они думают иначе.

— Ах вот оно как... — слегка успокоился Данилюк. — Значит, тут мы в безопасности?

— В полнейшей. Намотайте на ус, юноша, убежать от голодных духов бесполезно, они будут идти по пятам вечно. Прячьтесь от них в домах.

— Но просто войти сюда они могут, я верно понимаю? Не сквозь стену, а просто в дверь. Если будет открыта.

— Это они могут, вы правы. Но обычно не заходят — не любят закрытых пространств. А если голодный дух все-таки попадет в какое-нибудь помещение, то скорее всего уже не сможет найти дорогу обратно. Плохо ориентируются, понимаете?

— А кто они вообще такие? — спросил Данилюк. — Чего им от меня надо-то было?

— Да не от вас. То есть — не конкретно от вас. Голодные духи — это, молодой человек, наши же с вами собратья по несчастью. Такие же призраки, когда-то бывшие людьми. Только деградировавшие до скотского состояния. Теперь вся их жизнь, все их существование — ловить других духов и... кушать. Такая вот у них жизненная колея, простите за выражение.

— Ого, — только и смог произнести Данилюк. — Не позавидуешь.

— И не говорите, молодой человек. И не говорите.

— Это, выходит, они... какая-то нечистая сила? Или что? Священников они боятся, так?

— Не всех, к сожалению, далеко не всех, — покачал головой Тряпочкин. — В церкви люди тоже очень разные, и на большинство из них голодным духам начхать. Но встречаются иногда и такие, как отец Амвросий... подлинные старцы. От них нечисть действительно шарахается, как от огня. Но таких сейчас мало... да и всегда было мало.

Квартира, в которую вломились Данилюк и Тряпочкин, была обитаема. Хозяйева сейчас, понятно, крепко спали — причем прямо здесь, в двух шагах от беседующих призраков. Тряпочкин их игнорировал, да и Данилюк уже привык не обращать на живых внимания. Из любопытства он просунул руку сквозь одеяло и сказал:

— Порфирий Михалыч, давайте проясним один момент. Мы ведь с вами мертвы, верно? Я ничего не путаю?

— Само собой, юноша, — доброжелательно ответил Тряпочкин. — Мертвы, как дронг. Я уже довольно давно, а вот вы, как я понимаю, совсем недавно.

— Всего несколько часов, — мрачно ответил Данилюк. — Этим вечером дуба дал.

— Что ж, сочувствую. В таком молодом возрасте это всегда печально.

— Да-да, разумеется. Но я что хочу спросить — если мы уже мертвы... что эти голодные духи нам могут сделать? Во второй раз же мы не умрем?

— Во второй раз, безусловно, не умрем.

— Тогда что произойдет? Если они нас... э-э-э... скушают.

— Не уверен точно, — задумчиво ответил Тряпочкин. — Сам я этого своими глазами не видел, а те, кто видел, — уже никому не расскажут. Мне доводилось встречать тех, кого они не доели, но, сами понимаете, не тех, кого сожрали целиком. Однако я слышал, что после этого все заканчивается.

— Что все? — не понял Данилюк.

— Все. Вот это. Наше с вами нынешнее существование.

— То есть... совсем?.. Исчезнешь окончательно?

— Нет-нет, не совсем окончательно, конечно... Просто перестанешь быть призраком и... отправишься на следующее рождение.

— То есть... реинкарнация? — уточнил Данилюк. — Это так называется?

— Ну... в общем, да. Родишься заново.

— Так это же хорошо. Хорошо ведь? — усомнился Данилюк.

— Ну кому как. Ты ведь не оживешь, а переродишься. И при этом потеряешь память. Снова придется учиться говорить и ходить на горшок. Если вообще родишься человеком, а не тараканом каким-нибудь. Лично я предпочитаю еще немного пошастать. В доле призрака есть свои приятности, знаете ли.

— И долго это шастанье будет продолжаться?

— Это уж как получится. Обычно быстро заканчивается. Но некоторым удается протянуть довольно долго.

— Насколько долго?

— Знаете, кем я был при жизни, юноша? — хитро прищурился Тряпочкин.

— Кем?

— Коллежским ассессором.

— Кем?.. Кем-кем?! — дошло до Данилюка.

— Вот именно. Ваше высокоблагородие, так сказать. Я уже больше ста лет в таком вот виде.

— Ничего себе, — подивился Данилюк. — А много вообще на свете таких вот, как мы?

— Бродячих призраков-то?

— Ну да. Не все же после смерти вот так... шастают? Тогда бы призраков вокруг было больше, чем живых... а я за день видел всего нескольких.

— Вы правы, юноша, мы с вами и нам подобные — исключение из правила. Почти все умершие сразу или почти сразу уходят на ту сторону. В загробный мир. Либо кто-то за ними является, провожает, либо сами уносятся.

— А мы-то с вами почему здесь?

— Да кто ж его знает... — вздохнул Тряпочкин. — Я на той стороне ни разу не был, в этой механике толком не разбираюсь. Хотя вы, молодой человек, раньше времени не переживайте. Просто потерпите немножко. Некоторых забирают с задержкой. Через несколько часов, а то и дней. Вы ведь точно умерли, окончательно? Может, вас просто еще можно реанимировать? Такое случается.

— Не, там вообще все всмятку, — мотнул головой Данилюк.

— Ну тогда просто подождите. До похорон хотя бы. Вот если и к тому времени никто за вами не придет... тогда начинайте беспокоиться.

Тряпочкин предложил покинуть здание с другой стороны. Скорее всего, голодные духи уже ушли, но есть шанс, что они по-прежнему сидят там, подстерегают. Лучше не рисковать.

Данилюк пока не очень свyksя с тем, что он теперь дух. Огибал предметы мебели, сквозь двери и стены проходил осторожно, пробуя сначала рукой, как холодную воду. А вот Тряпочкин шел по прямой, безразличный к преградам.

Он даже не перебирал ногами. Просто плыл вперед, словно несомый ветром. Ступни его при этом то слегка погружались в пол, то чуть над ним приподнимались.

Настенные часы в одной из квартир сказали, что сейчас половина четвертого ночи. Самое глухое время суток — все «совы» уже уснули, никто из «жаворонков» еще не проснулся. Бодрствуют только «летучие мыши» — и одну такую Данилюк с Тряпочкиным по пути встретили. Худенькая конопатая девушка сидела перед компьютером, сосредоточенно щелкая мышкой. Данилюк, вышедший из стены прямо перед ее лицом, невольно опешил, но девушка, разумеется, даже не вздрогнула.

— Все еще не привык, что мы невидимы, — сказал Данилюк Тряпочкину.

— На самом деле не невидимы, — поправил тот. — Просто люди нас... игнорируют.

— Как это?

— Ну, техническую сторону вопроса я не знаю. Но слышал, что это как с носом.

— В смысле — с носом?

— Нос — он же у нас всех перед глазами, верно? Глаза постоянно на него смотрят. Но разве вы его видите?

— Хм... Да, и правда.

— Вот и с духами так же. Живые смотрят на нас, но не видят. Хотя мы — вот они.

Данилюк немного подумал, дважды обошел вокруг девушки, проходя прямо сквозь компьютер, и неуверенно сказал:

— Но я могу увидеть свой нос. Если сильно скошу глаза, он виден.

— И нас тоже живые могут видеть, — кивнул Тряпочкин. — Те, кто умеют правильно... скашивать глаза. Только такие умельцы встречаются джже редко — я за всю послежизнь только раз одного и встретил.

— И что он? — заинтересовался Данилюк.

— Да ничего. Увидел меня, хмыкнул, да и мимо прошел. Я к нему было с разговорами, так и сяк, а он только глянул недобро и шаг ускорил. Ему-то, видно, призраки не в диковинку были.

— И давно это было?

— В тридцатые еще.

На улицу Тряпочкин выходил с осторожностью. Высунул сначала голову из стены, повертел по сторонам, поискал взглядом голодных духов — нет, все чисто. Махнул рукой Данилюку — можно выходить.

— Как, молодой человек, запомнили, как вести себя в случае чего? — спросил он. — Не теряйтесь в следующий раз.

— А их вообще много — духов этих голодных? — поинтересовался Данилюк.

— Много... ну как много?.. Смотри что считать за много. С ними тучки, в Тенях, примерно как при жизни с гопстопниками. Можно жизнь прожить и ни с кем из них не встретиться, а можно каждую неделю заточку у горла видеть. Смотри где живешь, где

гуляешь, с кем знакомство водишь, да насколько счастлив по жизни. Вас вот, молодой человек, при жизни часто ли грабили?

— Грабить ни разу не грабили. Кошелек один раз вытащили, в автобусе, лет восемь назад. Но там почти пусто было.

— Ну это не так и плохо, в рубашке родились. А меня вот, было дело, ограбили. И ладно б просто ограбили, так еще ведь и ножом пырнули. Ни за что ни про что. Да скверно еще пырнули так — в грудь прямо. Легкое проткнули.

— Ого, — посочувствовал Данилюк. — И как же вы выжили?

— Так я и не выжил, — грустно усмехнулся Тряпочкин. — Извольте видеть — та самая рана, сотню лет уж при мне.

Данилюк понимающе поцокал языком. Кровавое пятно на груди Тряпочкина он заметил сразу же, да как-то неловко было спрашивать.

Но сам по себе этот момент его заинтересовал. Что же выходит — полученные перед смертью раны остаются с призраком навсегда? Тогда почему сам Данилюк выглядит нормально? Его в той аварии довольно сильно поуродовало.

Тряпочкин объяснил, что дело тут не в самих ранах, а в предсмертном страхе, боли и всяких других чувствах. В момент смерти все это впечатывается в подсознание и проявляет себя в виде увечья. Поэтому застреленные ходят с дыркой в теле, удушенные — с полосой на шее, утопленники — синие и водой каплют.

Конечно, при условии что призрак все это отчетливо помнит. Тряпочкин вот даже спустя сто лет так и не избавился от того скверного воспоминания. А если когда-нибудь избавится, если забудет о той злосчастной встрече в подворотне — тут и рана в груди пропадет.

Должна пропасть, по крайней мере.

Ну а Данилюк смерть принял мгновенную, боли почти не испытал, понять толком ничего не понял. Вот и нету на нем никаких следов аварии — каким себя помнил, таким и выглядит.

— А что насчет трупа? — спросил Данилюк.

— Какого трупа? — не понял Тряпочкин.

— Моего трупа. Если с ним что-нибудь сделают... на мне это отразится как-нибудь?

— Ровным счетом никак, — заверил Тряпочкин. — Мой вот труп уж сотню лет под могильной плитой обретается. Даже представить не берусь, во что он за это время превратился. Голый скелет уж давно, наверное, а мясо все черви сглодали. Но разве же я выгляжу скелетом? Как по-вашему, молодой человек?

— Да, верно, — согласился Данилюк.

— Правда, есть здесь один нюанс, — поднял палец Тряпочкин. — Некоторые духи и в самом деле выглядят в точности так, как их прежнее тело. Труп разлагается — и они разлагаются. Труп гниет — и они гниют. Я таких встречал.

— Надеюсь, я не из таких, — сказал Данилюк.

— Да нет, не волнуйтесь, не из таких. С такими, трупобразными, мы бы вот так занимательно не беседовали. Они и говорить-то толком не способны. По-моему, это те, кто уже начал превращаться в голодных духов... но точно я не уверен.

Данилюк еще раз поблагодарил Тряпочкина за спасение и спросил, как его можно найти, если вдруг что. Тряпочкин ответил, что определенного адреса у него нет — призраку жильё без надобности. Ночлег-то не нужен, вещей нет.

Однако его часто можно застать в театре драмы. Он и при жизни это дело любил, а

теперь вовсе ни одной премьеры не пропускает.

— А вас где при надобности отыскать можно будет, юноша? — спросил Тряпочкин.

— На Советской Армии живу... жил. Пойду туда сейчас, наверное... не знаю зачем, но загляну все же.

Сообщив Тряпочкину номер дома и квартиры, Данилюк с ним распрощался.

Домой Данилюк вернулся еще затемно. Зимой рассветает поздно. Данилюк жил на девятом этаже, так что машинально попытался вызвать лифт. Поглядев на палец, прошедший сквозь кнопку, он криво усмехнулся и сунул голову в шахту. Ему всегда хотелось посмотреть, как та выглядит изнутри.

В итоге идти пришлось по лестнице. Дело это с непривычки оказалось непростым — ноги то и дело уходили внутрь ступенек. Данилюк задумался, как он вообще может ходить по полу, по земле — разве он не должен сквозь них проваливаться? Хотя тогда его, наверное, утянуло бы вниз, куда-нибудь к центру земли, и он остался бы там навечно.

Это было бы чертовски глупо.

Подойдя к своей квартире, Данилюк все так же машинально достал ключи и попытался отпереть дверь. Конечно, та никак не среагировала на призрак ключей. Данилюк снова усмехнулся и просто сделал шаг вперед.

В третий раз он совершил машинальное, бессмысленное движение — попытался включить свет. Снова рука прошла насквозь, снова Данилюк усмехнулся — теперь уже раздраженно, с досадой на самого себя.

Да и свет ему больше не нужен. Он превосходно видит в темноте.

Вот она, его квартирка. Совершенно обычная однушка, которую Данилюк вот уже восьмой месяц снимал у одной старушки, переехавшей в деревню. Вещей всего ничего — кровать, шкаф, стол и стул, телевизор, ноутбук. На подоконнике горшок с бегонией.

Да еще обшарпанная советская стенка, набитая старыми книгами, патефонными пластинками и хрусталем. Принадлежало это добро не Данилюку, а хозяйке квартиры — и та строго запрещала что-либо выкидывать. Таким же хламом был завален и крохотный кухонный балкон — Данилюк не мог туда даже зайти толком.

В холодильнике стоял вчерашний суп. Обычно Данилюк питался пельменями, наггетсами, китайской лапшой и прочей едой легкого приготовления, но иногда хотелось себя побаловать. Вчера он впервые в жизни приготовил куриный суп с морковными звездочками — и результат ему на удивление понравился. Он съел половину, а вторую приберег на завтра.

И теперь она пропадет. Чертовски досадно. Данилюку почему-то было ужасно жаль этого злосчастного супа.

Он еще раз прошелся по квартире, не в силах ничего коснуться и понятия не имея, чем заняться. Страшно хотелось включить ноутбук в последний раз. Стереть кое-какие файлы и очистить историю браузера.

Горестно осознавать, что это уже невозможно.

Примерно через полчаса Данилюк убедился окончательно — делать ему здесь абсолютно нечего. Дотронуться ни до чего нельзя, а просто стоять посреди комнаты — удовольствие не ахти какое. Он окинул квартирку последним взглядом и вышел так же, как вошел.

Немного подумав, Данилюк решил навестить свое тело. Он откуда-то знал, где то находится. Просто чувствовал — вон в том направлении. Наверное, в морге, или куда там отвозят тела.

Добрался до морга Данилюк уже к утру. Прошел мимо заспанной сторожихи, спустился

по темной лестнице и вошел в печальный холодный подвал. Данилюк не ощущал температуры, но здесь холод можно было почти что увидеть. Вдоль дальней стены тянулись морозильные камеры, в центре стоял анатомический стол, а чуть в сторонке — несколько медицинских каталок. Две пустые, три — с телами.

Одно из этих тел Данилюк узнал. Хотя не с первого взгляда — за ночь оно окоченело и побледнело, глаза высохли, а живот почему-то вздулся.

Но зато последствий травмы стало почти не видно. Кровь смыли, руки и ноги аккуратно уложили — и не скажешь, что внутри все всмятку. Порезы на лице чем-то даже замазали — видно, уже готовят к похоронам.

Одежду с трупа сняли, выставляя весь срам напоказ. Данилюку было откровенно неприятно смотреть на прежнее вместилище, но он не мог отвести взгляда. Смотрел и смотрел.

Потом он коснулся... себя. Ничего не почувствовал, но продолжал водить рукой. Сунул ее поглубже. Попробовал даже влезть целиком, улегшись на каталку. Мелькнула шальная мысль — а что, если таким образом можно вернуться?..

Ничего не получилось, конечно. Мертвое тело и не подумало оживать. А вот Данилюк испытал очень противное чувство... как будто нырнул в яму с чем-то гадким, вонючим. Рот и ноздри наполнило мерзким запахом.

С каждой секундой это ощущение только усиливалось, так что он поспешил встать. Глупая была вообще затея, но он не мог не попробовать.

Похороны — это такая штука, в которой никак невозможно повременить денек-другой. Все делается предельно быстро. Данилюк еще не покинул холодный подвал, когда за телом пришли родственники. Тихо плачущая мама в черном платке и брат с каменным лицом. Отец сейчас в командировке — ему, конечно, сообщили еще вчера, но вернуться так быстро он в принципе не сумел бы.

Мама бросила на тело сына только один взгляд, заплакала еще громче и отвернулась. С работниками морга разговаривал брат — а из отдельных его реплик Данилюк понял, что вчера он сюда уже приходил, проводил опознание.

Ушли они почти сразу же. Данилюк их за это не винил — он и сам не хотел здесь оставаться.

Чуть поразмыслив, он пошел следом. Не с первой попытки, но уселся в машину — рядом с братом, на переднее сиденье. Данилюк опасался, что когда та тронется, то проедет сквозь него, но ничего подобного не произошло.

На протяжении поездки родные не произнесли ни слова. Мама не прекращала плакать, брат угрюмо молчал. Данилюк попробовал говорить с ними сам, но близкая родня не замечала его так же, как и все остальные.

Ехали минут двадцать. Из них почти половину стояли в пробке, во время которой молчание в машине стало особенно гнетущим. Данилюк безуспешно пытался что-нибудь сдвинуть, шевельнуть, оказаться услышанным. Хоть как-нибудь дать знать, что он здесь, что с ним все в порядке... ну не прямо вот в порядке, разумеется, но в целом он чувствует себя нормально.

Ничего не получилось, конечно. Вряд ли это вообще хоть у кого-нибудь когда-нибудь получалось.

Войдя в родительскую квартиру, Данилюк аж поежился. Зеркала были завешены, на подоконниках стояли чашки с водой, а на пороге почему-то лежали еловые ветки.

— Бабушка, ну зачем? — укоризненно протянул брат, переступая через этот мусор.

— Положено так, — сухо ответила бабушка, выходя из комнаты.

В отличие от мамы, она не плакала. Глядела спокойно, чуть поджав губы. Бабушка вообще редко давала волю эмоциям — даже когда умер дед, она только тяжело вздохнула и продолжила лепить пирожки. Хотя любила его страшно, сорок лет жили душа в душу.

Данилюк прошелся по квартире. Кроме мамы, брата и бабушки в ней нашлась баба Дуня, старшая бабушкина сестра. Эта уже почти девяностолетняя старушка неподвижно сидела на кухне, держа обе ладони на чашке чая. Данилюк последний раз видел ее десять лет назад — и тоже на похоронах.

Всего Данилюк за свою не очень длинную жизнь присутствовал на трех похоронах. Все трое были печальными и тоскливыми. Но оказалось, что когда хоронят не кого-нибудь, а тебя самого — это еще хуже. Данилюку было ужасно неловко смотреть на горюющую родню — словно провинился перед ними, подвел как-то.

Из ванной степенно вышел Мехмат Зурабович — огромный персидский кот. При виде Данилюка он чуть вздрогнул, распушил хвост и издал утробное рычание. Но когда Данилюк подошел ближе — сменил гнев на милость и даже позволил себя коснуться.

Конечно, Данилюк при этом ничего не почувствовал и понятия не имел, чувствует ли что-то кот. Скорее всего, Мехмат Зурабович просто проявил уважение к покойному сыну хозяев. Он всегда был таким — снисходительно позволял себя гладить, всем видом показывая, что делает это исключительно по широте души.

Ближе к обеду привезли гроб с телом. Из разговоров Данилюк узнал, что похороны назначены на завтра, в полдень. Брат уже договорился насчет места на Городском кладбище. Организовал подзахоронение — на Городском уже лежали дед, прабабка и еще кто-то из предков Данилюка по материнской линии. Можно сказать, семейный погост.

В квартире было тихо и печально. Брат ушел по делам, бабушка с бабой Дуней что-то стряпали на кухне. Мама сидела у изголовья гроба, неотрывно смотрела на тело сына, иногда гладила его по щеке.

Данилюк тоже смотрел. Служащие похоронного бюро привели его труп в порядок, загримировали, окончательно скрыли следы аварии. Волосы зачесали на левую сторону — там лицо пострадало особенно сильно. Бальзамировать не стали — хоронить будут уже завтра.

Еще его переодели. Данилюк машинально погладил ткань, потер край рукава... и вдруг заметил, что сам начинает меняться. Зимняя куртка, штаны и шарф словно растворились, сменяясь серым костюмом-двойкой. Тем самым, в котором он лежал в гробу.

Время от времени дребезжал дверной звонок. Попрощаться приходили все новые и новые люди. В основном какие-то тетки и бабки — дальняя родня, Данилюк мало кого узнавал даже в лицо.

Заглянул Серега, лучший друг. Посочувствовал, повздыхал, спросил, во сколько и где похороны, выпил пустого чаю и снова убежал.

Ближе к вечеру домой вернулся отец и появилась сестра. Она три года назад вышла замуж и переехала в Тольятти. Сказала, что ее муж сегодня не смог — приедет завтра, вместе с их дочкой.

По мере того как в квартире прибавлялось людей, Данилюк чувствовал себя все стесненнее. Как будто реально провинился в чем-то. Все яснее он понимал, что здесь ему делать нечего, пора двигаться дальше.

Он еще раз обошел все комнаты, простился с родителями, братом и бабушкой, постарался получше запомнить их лица. Последней была сестра — ее он нашел в детской, спящей на тахте.

— Устала... — вздохнул Данилюк, присаживаясь рядом.

На щеках сестры застыли мокрые дорожки. Похоже, тоже не выдержала, расплакалась. В детстве младший братишка не раз выводил ее из себя, но она все равно о нем заботилась — утирала сопливый нос, помогала находить потерянные игрушки, даже один раз поджарила яичницу. Правда, Надьке тогда самой было всего девять лет, так что яйца она сожгла до состояния золы, едва не устроив при этом пожар.

Данилюк погладил волосы спящей сестры. В кончиках пальцев возникло странное ощущение — их словно наэлектризовало. Данилюк отдернул руку, но, подумав, вернул ее обратно, задержал подольше... и почувствовал, как куда-то проваливается!

Он не сразу понял, где очутился. Тесная комната, полуразвалившаяся мебель, за окном какие-то грязные дома... невероятно знакомые. Это же их старая квартира! Данилюки жили здесь двадцать лет назад, когда Алексей еще учился в младшей школе, а Костик, брат, вообще лежал в пеленках.

Но... как он сюда попал? Старый адрес расположен на другом конце города, и здесь давным-давно живут другие люди. Сейчас вся обстановка должна выглядеть иначе, да и улица с тех пор сильно изменилась...

А потом Данилюк заметил Надю. Сестренка стояла у окна, но поначалу Данилюк ее почему-то не видел. Как будто она не сразу проявилась.

Надя повернулась, посмотрела на Данилюка и грустно сказала:

— Привет, Леш...

— Привет, Надь... — тихо ответил Данилюк.

— Как же ты вот так, Леша?..

— Да... как-то вот получилось... — виновато вздохнул Данилюк. — Вы уж не грустите там слишком сильно... У меня тут все хорошо.

— Ладно... — всхлипнула Надя.

Данилюк обнял сестру, и они еще пару минут просто молча стояли у окна. А потом старая комната стала расплываться, терять очертания... и Данилюк обнаружил себя вновь сидящим на тахте, рядом со спящей Надей. Та что-то чуть слышно бормотала, но губы ее теперь изгибались в улыбке.

Данилюк задумался. Похоже, сейчас он каким-то образом побывал в чужом сне. Мистика, конечно... но разве само его присутствие здесь, в одной квартире с собственным трупом — не мистика? Он стал призраком меньше двух дней назад и еще толком ничего не знает о своем новом бытии.

Может, для духов это обыденная вещь?

Так и оказалось. Дождавшись, пока уснут остальные, он аналогичным путем вошел в сны к отцу, брату и бабушке. Попрощался с ними по-настоящему, попросил, чтобы не слишком тосковали.

Хотел зайти и к маме, но та этой ночью так и не уснула. Данилюк ждал довольно долго, но она все сидела рядом с гробом. Смотреть на это было откровенно больно, поэтому он решил отложить посещение до следующего раза, а пока что прогуляться, поразмыслить.

Этой ночью Данилюк шагал по улицам уже не бездумно, но с осторожностью поглядывал вокруг. Помнил о голодных духах. Их пока что не встречалось — а вот обычные

призраки были, хоть и редко. К Данилюку они интереса не проявляли — такие же прохожие, только бесплотные.

Данилюк решил еще разок заглянуть к себе на квартиру. Он знал, что брат днем туда ездил, забрал часть вещей, и ему захотелось узнать, каких именно. Благо идти было не очень далеко — Данилюк добрался всего за час.

Измениться почти ничего не изменилось. Мебель, телевизор и бегония принадлежат хозяйке, а одежду, обувь и личные вещи решили перевезти потом. Квартира оплачена до середины марта, время есть.

Брат взял только ноутбук, документы и ценности. Немного наличных, цепочку и золотые часы, подаренные отцом на выпускной. Прихватил почему-то и китайскую керамическую статуэтку — то ли на память, то ли решил, что она дорогая. На самом деле стоила она копейки — Данилюк выиграл ее в тире.

Суп из холодильника тоже пропал. Грязная кастрюля лежала в раковине, но содержимое исчезло. Почему-то Данилюку было очень интересно, съел ли его брат или просто вылил.

Осмотрев все еще раз, он лег на кровать и устался в потолок. Спать ему, понятно, не хотелось. Вряд ли призракам вообще нужен сон или отдых. Просто лежал и думал.

Так он пролежал часа два. А потом... в окно постучали.

Ну как постучали... На самом деле не постучали. Просто снаружи появилась рука, сделала несколько символических движений и прошла сквозь стекло. За ней просунулась и голова — коллежского асессора Тряпочкина.

— Добрый вечер, юноша. Не помешал?

— Порфирий Михалыч?.. — пораженно уставился на него Данилюк. — А ты... вы... вы откуда здесь взялись?

— Да просто совершал променад, любовался видами ночной Самары, решил вот визит вам нанести, проверить, как поживаете... вы не против?

— Да нет, я не против, но... но здесь же девятый этаж!

— И что?

Данилюк подошел к окну и увидел Тряпочкина, висящего... или, скорее, стоящего прямо в воздухе. У него под ногами словно была невидимая балка.

— А... как это? — удивился Данилюк.

— Мы призраки, молодой человек, — чуть усмехнулся Тряпочкин. — Привыкайте.

Данилюк тоже просунул голову сквозь окно и посмотрел вниз. Похоже, на улице очень холодно. А судя по тому, как качаются внизу деревья, — еще и сильный ветер.

— Я... точно не разобьюсь, если выйду прямо так? — уточнил он. — Глупый вопрос, наверное...

— Вы не умрете во второй раз, не волнуйтесь, — улыбнулся Тряпочкин. — Есть вещи, которые могут причинить вред и призраку, но земное тяготение в их число не входит.

Рассудком Данилюк и сам это прекрасно понимал. Но просто взять и шагнуть с девятого этажа все равно казалось опасным. Он колебался секунд десять, пока наконец не решился.

Ничего страшного не произошло. Вниз он ухнул с той же скоростью, с которой и должен был, но в ушах не свистело, дух не захватывало, «тело» своего положения не меняло. Просто как быстрый лифт. Долетел до земли, впечатался в нее ступнями, остановился.

Даже не успел толком ничего понять.

Спустя несколько секунд Данилюка догнал и Тряпочкин. Он и вовсе спускался медленно, плавно. И остановился не на земле, а в паре ладоней над ней. Потом заметил и

поправился.

— Я вот тут подумал... а почему мы не проваливаемся сквозь землю? — полубопытствовал Данилюк. — Сквозь стены же мы проходим.

— По привычке, — ответил Тряпочкин. — Для нас теперь нет никаких преград, кроме инерции мышления. Вы привыкли, что земля твердая, — вот она для вас и твердая.

— Но... если я все-таки захочу... — просунул в землю руку Данилюк. Та прошла без задержек. — Я ведь могу туда целиком... ну, если вдруг захочу?..

— Если сильно захотите, то сможете погрузиться, но там нет ничего интересного. Поверьте старику, я пробовал. Да и возвращаться потом непросто. Заблудитесь еще.

Время близилось уже к утру, прохожих и машин почти не было. Данилюк и Тряпочкин шагали прямо по мостовой. Данилюк поначалу еще вздрагивал, когда рядом или прямо сквозь них проносился редкий автомобиль, но быстро по привычке.

Ему стало любопытно, чем Тряпочкин занимается целыми днями. Бесплатное посещение театров и других представлений — это, конечно, здорово, но все двадцать четыре часа этим не наполнишь. Работать призраку вряд ли нужно. Спать и есть тоже не надо. Неужели просто слоняется по улицам день-деньской?

— Когда как, молодой человек, когда как, — ответил Тряпочкин, когда Данилюк об этом спросил. — На самом деле занятие найти не так уж сложно. Наблюдать за живыми, общаться с другими духами, да или вот хоть телевизор смотреть...

— Телевизор?.. А как вы его включаете-то?

— Молодой человек, ну что вы в самом деле-то? — укоризненно глянул на него Тряпочкин. — Зачем мне его включать? Да войдите в любую высотку, походите по квартирам — быстро сыщете где-нибудь экран с каким-никаким занятным зрелищем. Сего дня вот я, к примеру, наблюдал преинтересную фильму о четырех огромных черепахах, владеющих секретами японской борьбы! Диковинная штука, юноша, до глубины души меня поразила!

— Ага, — только и сказал Данилюк.

Про себя он подумал, что призраку, наверное, нелегко оставаться в струе свежих веяний. Быть может, лет через сто и он сам будет казаться свежим духам старомодным чудачком.

Хотя Данилюку не улыбалось сотню лет бродить невидимкой по городским улицам. Он бы все-таки предпочел посмотреть, куда отправляются все остальные. Тряпочкин говорил, что некоторые просто уходят с задержкой... интересно, долго ли придется ждать ему?

Мимо снова прогрохотал вчерашний призрачный трамвай. На сей раз лишь слегка замедлив ход — Тряпочкин мотнул головой, и вагоновожатый не стал тормозить. В салоне по-прежнему гуляла веселая компания — похоже, та же, что и прошлой ночью.

— Кто это такие? — полубопытствовал Данилюк.

— А это, молодой человек, нечто вроде «Летучего голландца»... — рассеянно ответил Тряпочкин. — Слыхали, может? Только на современный лад и местного значения — за пределы Самары не выезжают. Хорошего в них мало, вы от них лучше держитесь подальше...

— А что будет, если я к ним сяду?

— Если очень повезет — просто доедете до своей остановки. Если не очень... тогда присоединитесь к ним. И будете вот так вот ездить, пока... не знаю, закончится ли у них когда-нибудь эта поездка. Они не так несчастны, как голодные духи, но судьба тоже не самая завидная...

Данилюк проводил трамвай задумчивым взглядом. Интересно, сколько он уже так колесит по рельсам? Вряд ли очень долго — вагоны, конечно, старинные, но не конка же все-

таки.

— Как здесь вообще живется, в этом... мире призраков? — спросил Данилюк.

— Тень. Мы называем его Тенью. Сносно живется. Есть свои беды, свои неприятности... с голодными духами вы уже успели свести знакомство. Но вообще — не хуже, чем среди живых. Разве что поменьше нас тут. И многие... не в себе. На самом деле даже слишком многие.

Данилюк вспомнил ходящего по кругу призрака, вспомнил плачущую девушку и согласился. Видимо, не всем удастся нормально принять собственную смерть.

— Да, многие сильно переживают, — подтвердил Тряпочкин. — Здесь-то в основном остаются как раз такие — кто так и не смирился. Остальные уходят сразу же или чуть позже.

— Ну я вроде бы смирился... — пробормотал Данилюк.

— О, вот как раз обратите внимание, — перебил Тряпочкин. — Видите, вон там, возле роддома?

Сначала Данилюк не понял даже, на что смотреть. А потом заметил двух призраков — крошечных, похожих на младенцев... вот ведь блин. Данилюк сочувственно вздохнул.

Хотя маленькие духи печальными не выглядели. В отличие от Данилюка, они не ходили по земле, а летали — весело порхали где-то на уровне крыш. Порой проносились сквозь стены, исчезали и тут же снова появлялись, гоняясь друг за другом в каком-то подобии салок.

— Младенцам проще, — сказал Тряпочкин. — Они еще не знают, что правильно, что нет. Они этого перехода в другое состояние толком и не заметили. Вон тот, справа, кажется, вообще мертворожденный.

— И что с ними теперь будет? — негромко спросил Данилюк.

— Либо в рай через некоторое время унесутся, либо заново родятся, — пожал плечами Тряпочкин. — Вы не переживайте. Я тоже, помню, по первому времени переживал. А потом пообвыкся. И вы пообвыкнетесь. Сейчас в этом плане еще хорошо, детишки богу душу почти и не отдают. А вот в мое-то время тут этих карапузов куда как побольше летало... У меня у самого сыночек меньшей еще в колыбельке преставился, даже окрестить не успели.

— Сочувствую.

— Спасибо, но это уж давно быльем поросло. В мои времена чуть не каждый третий младенчиком на тот свет уходил. Нынешние-то люди счастливы, что такого не знают...

— Счастливы, — согласился Данилюк, задумчиво глядя по сторонам.

Эту улицу он хорошо знал. Ездил сюда пять раз в неделю и иногда по субботам. Здесь, вон в том офисном центре, расположено туристическое агентство «Одиссей Тур», в котором Данилюк проработал почти четыре года. Он сказал об этом Тряпочкину, и тот сразу предложил зайти, посмотреть.

Конечно, в половине пятого утра офисный центр был закрыт и безлюден. Данилюк с Тряпочкиным прошли сквозь двери и бесшумно заскользили по темным коридорам. Данилюк, раньше никого на работу не водивший, с неожиданным для себя удовольствием проводил экскурсию. Рассказывал, что где расположено, делился занятными историями.

— ...Так вот, Порфирий Михалыч, приехал, значит, к нам этот немец — не помню уже, как звали, — увлеченно вспоминал Данилюк. — Ну у нас-то в Самаре иностранные туристы вообще редкость. Они в основном Москвой ограничиваются или Питером. Ну по «Золотому кольцу» еще некоторые ездят. Но иногда, бывает, и к нам кого заносит. И вот едет он в нашем автобусе, с другими экскурсантами. Причем даже без переводчика — по-русски нормально понимал. А я ж понятия не имел, что он немец. Я тогда вообще пацан еще был совсем,

только после универа. Ну я и задвигаю обычную нашу программу — про город рассказываю, про Волгу, про природу нашу самарскую. Это все нормально шло. А вот потом стало интереснее. Мы там бункер Сталина проезжали, радиостанцию бывшую, которая в Великую Отечественную вещала, памятник советским солдатам... ну я про все это и рассказывал. Подробно, в деталях, углы не сглаживал. Про немецких оккупантов, про подвиги наших бойцов...

— Ну так хорошее дело, — кивнул внимательно слушавший Тряпочкин.

— Хорошее. Только вот немец как-то все больше скисал. В конце экскурсии он вообще уже грустный-грустный сидел. Из автобуса выходил такой понурый, как будто я его лично всю дорогу костерил.

Тряпочкин издал короткий смешок. Припомнил, что при нем немцев тоже стали сильно не любить — незадолго до его гибели как раз германская война началась.

Впереди заиграл луч фонарика — по коридору шел сторож. Ему явно было не по себе — он сутулился, что-то чуть слышно бормотал под нос. Поравнявшись с призраками, дернулся, ахнул, едва не уронил фонарик. Но тут же тряхнул головой, выдохнул и побрел дальше.

— Он нас видел, что ли? — не понял Данилюк.

— Может, и увидал что-то, кто ж его знает, — ответил Тряпочкин. — Темно, пусто, страшно. Атмосфера подходящая.

— А при чем тут атмосфера?

— А призрака легче увидеть, если ты к этому уже морально готов. Мне старые духи говорили, что в старину нас чаще видели. Тогда-то люди верили в призраков, готовы были их встретить — вот и получалось иногда. А сейчас совсем редко и только так вот — почувдится что-то на секундочку, да тут же и пропадет.

Входя в хорошо знакомый офис «Одиссей Тур», Данилюк слегка промедлил на пороге. Он еще ни разу не бывал здесь ночью. Все выглядело так же, как днем, но... как-то не так.

Данилюк остановился у своего компьютера и уныло на него уставился. Вчера он должен был подготовить одному дядьке документы на визу в Японию. Обидно, подвел человека. Клиент был хороший, уважительный.

Да и кое-что удалить Данилюк не отказался бы и на этом компьютере. Письма кое-какие.

Вот интересно, что теперь будет с его почтовым аккаунтом? Пароль никто другой не знает... хотя у Данилюка он простой, подобрать при желании нетрудно.

Хотя кому это нужно? Он же не директор, не главбух — рядовой агент. Ничего важного у него там не было.

Но все равно жалко, что нельзя подчистить хвосты.

Данилюк даже спросил у Тряпочкина, нет ли какого-нибудь способа это сделать. Вот этот нашумевший полтергейст... это вообще правда? Бывает — или сплетни все?

Тряпочкин сказал, что бывает, но чрезвычайно редко. Призраки же бесплотны. Это не газ и даже не излучение какое-нибудь, а насквозь нематериальная субстанция. Что-то двигать удастся очень немногим, и то при каких-нибудь особых обстоятельствах.

Еще Тряпочкин сказал, что призраки не только дотронуться ни до чего материального не могут, но даже и видеть-то его, строго говоря, не видят. Да и не слышат тоже.

Здесь Данилюк решил, что чего-то недопонял. Как это не видят и не слышат, если он прекрасно все видит и слышит. Да, люди и предметы теперь какие-то размытые, а звуки приглушенные, но... он же их видит! И слышит!

Тряпочкин кивнул и сказал, что все правильно. Просто теперь, когда ты дух, ты видишь уже не мир живых, а ту самую шутку, которую называют Тенью. Других духов видишь. Тех, что тела уже покинули, — четко и ясно. А тех, что еще в телах пребывают, — вот так вот, размыто. Свои духи, оказывается, есть не только у людей и животных, но и вообще у всего, что существует на свете.

И со слухом так же. Духи ощущают не сами колебания воздуха, а их призрачное «эхо».

Ну а сами издавать звуки конечно же они не могут. Даже если призрак ухитрится показаться живым — он все равно останется безмолвным. Суметь заговорить — это уже первая стадия полтергейста, когда призрак может уже хотя бы воздух колебать. Чуть-чуть совсем.

Но и просто стать видимым — задача дьявольски непростая. Некоторым это таки удается, но очень-очень редко и тоже при особых обстоятельствах, в каких-то конкретных местах. И даже тогда их обычно видят не все, а только особо восприимчивые.

— Так, значит, при особых обстоятельствах что-то двигать все-таки можно? — уточнил Данилюк. — А каких именно, например?

— Да тоже в местах специальных, — сказал Тряпочкин. — Или в присутствии людей восприимчивых. Про спиритические сеансы слышали, юноша? Я вот, было дело, захаживал туда.

— Это где тарелку вертят? — припомнил Данилюк.

— Тарелку или еще что-нибудь. Если долго тренироваться, можно научиться ее подталкивать. Чуть-чуть.

— А разве так действительно можно кого-то вызвать? — усомнился Данилюк.

— Э-э-э... теоретически можно. Но если нет настоящего медиума, то сигнал получается очень слабенький, а настоящих медиумов сейчас днем с огнем не сыщешь. Так что обычно слышат только те, кто совсем рядом. Такие вот бродячие духи вроде нас. Ну я и заглядывал на огонек, разводил тары-бары — какое-никакое, а все развлечение. Обычно за Пушкина себя выдавал. Потом за Ленина стал.

— Зачем?

— А вы думаете, кому-то интересен дух коллежского асессора Тряпочкина? Всем подавай Пушкина, Ленина, Наполеона... в восьмидесятых вот Высоцкого часто вызывали...

Данилюк задумчиво покивал, а потом вдруг сообразил:

— Порфирий Михалыч... так это, значит, можно с живыми связаться?!

— Можно. А что?

— А что ж вы молчали?! Можно же...

— Что?

— Ну... сообщить им...

— Что?

— Ну... это... что мы тут...

— И дальше что?

— Ну...

— То-то и оно. Мы тут, а они там. Рано или поздно каждый из них тоже будет тут. А вот мы назад уже не вернемся... да и зачем, собственно? Какая разница — тут или там?

— Тут мне не очень-то нравится.

— А я вот ничего, привык. И вы привыкнете.

Уже светало, когда Данилюк и Тряпочкин вышли из офисного центра. Данилюк решил

вернуться в дом родителей, посмотреть, как его будут хоронить. Все-таки вряд ли он еще когда такое увидит.

Да и вдруг за ним кто-нибудь все-таки явится... с того света? Конечно, они скорее всего найдут его где угодно... но мало ли как у них там все устроено?

Мимо прошла девушка в легкой шубке. За ней бежала собака... нет, призрак собаки. Черная хаски приветливо гавкнула Данилюку с Тряпочкиным и снова затрусила за девушкой, едва не тычась в нее мордой.

Та, разумеется, ничего не замечала.

— Ишь, на радугу-то не идет, хозяйку дожидается, — добродушно усмехнулся Тряпочкин. — Таких верных нечасто встретишь. Хорошая девчонка, видать.

— Это долго ждать придется, — заметил Данилюк. — Девушка-то молодая совсем.

— Для духа время не критично. Мы можем ждать очень долго.

Похороны состоялись в полдень, на Городском кладбище. Собрались родственники, друзья. Мама тихо плакала.

Сам же покойник стоял чуть поодаль и чувствовал странную неловкость. Как будто нечаянно испортил всем настроение. Ему не было печально или тоскливо — лишь легкая грусть, какая бывает на выпускном вечере. Жаль прощаться со школой, а по одноклассникам будешь скучать... но не более того.

Сестра тихо рассказывала матери, что Алеша ей этой ночью приснился. Почти в точности передала сказанные им слова, отчего мама расплакалась еще сильнее.

Бабушка тоже припомнила, что ей снилось нечто похожее, но только сам факт, без подробностей. А брат и отец вообще забыли о его визитах и теперь расспрашивали Надю.

Конечно, никто не воспринял эти сны всерьез. Просто приснился покойный брат/внук — что тут такого? Данилюку и самому снился дедушка, когда того хоронили... блин.

Изо всех сил стараясь вспомнить тот сон десятилетней давности, Данилюк пропустил момент, когда стали закрывать крышку гроба. Мама подошла проститься последней, положила у изголовья любимые темные очки Данилюка — яркими солнечными днями он с ними не расставался.

Данилюк умиленно улыбнулся... и вдруг почувствовал в кармане шевеление. Сунув туда руку, он обнаружил эти самые темные очки. В призрачном виде, понятно.

— Спасибо, мам... — изумленно произнес он, тут же их надевая.

Сейчас они ему требовались как змее перчатки, но все равно было очень приятно.

Гроб опустили в яму и закидали землей. Рядом оставили рюмку водки, несколько конфет в фантиках и маленькую кладбищенскую свечку. Данилюк наклонился и поводит рукой сквозь пламя.

Тепла, конечно, не чувствовалось. И огонек даже не дрогнул. Тряпочкин, если ему верить, научился подталкивать тарелку на спиритических сеансах — значит, это все-таки возможно. Только вот как именно это делается, Данилюк спросить забыл.

Ладно, в следующий раз.

Народ еще немного постоял возле могилы, а потом начал расходиться. Одни по домам, другие погрузились в автобус. Родители арендовали для поминок небольшую столовую в соседнем квартале.

Данилюк на поминки решил не ехать. Не хотелось и дальше травить душу, глядя на горестные лица. Все, кончено, книга жизни закрыта.

Вместо этого он остался сидеть на своей могиле, рассеянно глядя на табличку. «Алексей Валерьевич Данилюк, 14 августа 1986 года — 25 февраля 2015 года». Вот и все, что от него осталось. Кусок земли и деревянный крест с надписью.

Крест... а почему они поставили крест? Данилюк не был крещеным. Он вообще не верил в Бога. Он думал, что после смерти будет... ничего не будет. Просто перестанешь существовать. Как свет выключили.

Выходит, ошибался.

Сидеть на могиле и дальше смысла явно не было. При жизни Данилюк считал похороны бессмысленным ритуалом. Зачем закапывать в землю мертвое тело, а потом еще и украшать его чем-то сверху? Пустой расход времени и сил. На одних гробах сколько можно бы

сэкономить!

Теперь, когда он умер... его мнение не изменилось. Да, он каким-то образом знал, чувствовал, что труп там, внизу, но ему от того не было ни жарко ни холодно. Лежит в могиле, ну и пусть лежит. Как старая квартира, из которой съехал.

Данилюк уже собирался уходить, когда заметил что-то боковым зрением. Повернувшись, он увидел у соседней могильной плиты двух жутко странных типов. Они смотрели прямо на него — без особого интереса, но явно его видели.

Первый выглядел как мертвец. Полуразложившийся, в каких-то истлевших обносках, а вместо головы — череп. Из голых костей росли седые волосы и длинная пушистая борода.

Второй был карликом. Едва по колено Данилюку, тоже бородатый, с огромными мохнатыми ушами. Одет он был в какой-то армяк... зипун... Данилюк не разбирался в старинной одежде.

При жизни его первым порывом было бы задать стрекача. Кто не задал бы, увидев подобных типов? Но теперь... теперь он сам такой же. Хотя не совсем такой же, конечно, но в любом случае тоже призрак.

Кем еще могут быть эти двое, если не призраками?

Конечно, они могут оказаться голодными духами. Особенно вот этот, с черепом. Но они вроде мирные, нападать не нападают, характерных зубищ у них нет...

— Алексей Валерьевич, жначит, — прочел надпись на кресте трупобразный призрак. — Ш прибытием. Добро пожаловать на мое кладбище.

— А... спасибо, — неуверенно кивнул Данилюк. — С кем имею честь?

— Демьян Федорович, — представился трупобразный.

— А меня просто Прокопом величай, — сказал карлик.

— Ага. Очень приятно. А... что значит, на ваше кладбище? Вы тут... директор, что ли?

— Не директор он, а Хозяин, — поднял палец Прокоп. — Хозяин Кладбища. Есть такая профессия.

— Ого, — только и сказал Данилюк.

Оказалось, что Хозяин Кладбища — это действительно дух... но не призрак. Все призраки — духи, но не все духи — призраки. И Хозяин Кладбища — это такой особый дух, которым обычно становится самый первый, кто здесь похоронен. Как вот Демьян Федорович — его тут прикопали в конце двадцатых, еще до официального открытия собственно кладбища.

Ну а Прокоп тоже оказался духом — и тоже не призраком. Домовым он оказался.

Данилюк особо даже не удивился, услышав, что домовые, водяные и лешие — тоже не сказка и нормально себе существуют бок о бок с людьми.

— Я тут вообще-то редко бываю, — сказал Прокоп. — Моя высотка-то далеко отсюда, аж на Ташкентской. Это я так, в гости зашел, покалякать о всяком.

— На кладбище?.. В гости?..

— Ну а что? На кладбище тоже наши живут. Тут двор ухоженный, соседи спокойные...

— А ты, жначит, по матушке иж Некрашовых будешь, — задумчиво молвил Хозяин Кладбища. — К родне в могилку, жначит. У меня тут ваших-то уж немало лежит, оно конечно. Так-то мешто-то уж на Городшком кончилося почти, у меня теперь редко новые пошгояльцы. Ошобенно такие, чтобы шами швое тело-то шопровождали. Ну что, Лешка, выпьем жа упокой твоей души-то?

Демьян Федорович деловито цапнул с могильной плиты рюмку водки. Данилюк аж

выпучил на это глаза — привык уже, что призраки не могут ни до чего дотрагиваться.

Но Хозяин Кладбища был не призраком. Он преспокойно выжрал водку и закусил конфетками. Было откровенно жутко смотреть, как их перемалывают зубы голого черепа.

— Вообще-то это мне поставили, — слабо запротестовал Данилюк.

— Нет, паренек, шалишь, — хмыкнул Демьян Федорович. — Это мне поштавили. Как Хозяину Кладбища, подношение. Чтоб я, жначит, жа могилой твоей приглядывал, да коштей твоих не ворошил.

— Да ничего подобного! — возмутился Данилюк. — Это покойному!

— Жабыли люди ижначальный-то шмышл подношений. Ты вообще думаешь, кто вшу эту водку выпивает?

— Я думал, бомжи.

— Иногда и они, конечно. Мне-то одному много не надо. Но вообще-то это мое. По жакону. По традициям.

Данилюк смолчал. Честно говоря, он понятия не имел, в чем смысл этой традиции — оставлять покойному водку и конфеты, — но был уверен, что это все-таки предназначено ему. А не какому-то кладбищенскому упырю.

Даже обидно слегка.

— Да ты не рашштраивайша, тебе там тоже ошталось, — махнул рукой Демьян Федорович.

— Что осталось-то? — буркнул Данилюк. — Ты все выпил.

— А дух? Дух-то водки тебе ошталша. Бери да пей.

Данилюк посмотрел на плиту и с удивлением обнаружил на ней все ту же рюмку водки. Только теперь не туманную и расплывчатую, а четкую, ясную. Он недоверчиво взялся за ножку... поднял... опрокинул в рот.

У духа водки был вкус водки.

Точно так же Данилюк съел и призрачные конфеты. «Барбарис», его любимые.

— Ну вот, видал? — насмешливо хмыкнул Хозяин Кладбища. — Ему поштавили, ему поштавили... Шпашибо бы шкажал. Ешли б я это не шьел и не выпил, ты бы ничего и не получил.

Данилюк слушал с большим интересом. Ему открывались новые горизонты. Конечно, поесть и выпить — не самое главное в жизни, но все же приятно, что призраку это доступно. А то с одной только жвачкой было бы как-то скучно.

Опьянеть, правда, он с выпитой водки не опьянел... но ее было-то всего пятьдесят грамм. С такой дозы и живой Данилюк не окосел бы, хотя всегда был малопьющим. Он иногда шутил, что пьет только на свадьбах и похоронах... сейчас шутка уже не казалась смешной.

Тут к могиле подошли еще двое. На сей раз не духи — Данилюк видел их затуманенными. И это его сильно удивило, поскольку выглядели новички... жутко.

Реально жутко. Один толстый как бочка, а кожа содрана, похож на картинку из анатомического атласа. А второй... второй вообще ходячий скелет.

— Чего тарацишься, паренек? — насмешливо глянул Хозяин Кладбища. — Пришлужники это мои, Никишка ш Ираклием.

— А... а они что, живые? — изумленно спросил Данилюк.

— Ага, как же. Мертвые они.

— Зомби?..

— Жомби, жомби... напридумывали шловечек... Упыри они. Их ждешь в одном мештчке прикопали... давно, когда тут еще кладбища-то даже не было... А мештчко ошобое, жаколдованное... Ну вот они и выкопалиш... шпущтя время. Да ты их не бойщя, не бойщя, прижраку-то они жла жделать не шмогут... У тебя ж теперь ни мяша, ни потрохов, ни кровищи... — осклабился Демьян Федорович.

— А живому, значит, могут? — напрягся Данилюк.

Ему стало не по себе при мысли, что, пока его родные и близкие стояли у могилы, где-то на этом кладбище бродили два упыря. Самых настоящих жутких упыря, которых хоть сейчас в фильм ужасов.

— Живому могут, конечно. Как же беж этого.

— Да ты не волнуйся, Демьян Федорыч им не дозволяет, — заверил Данилюка Прокоп. — Никишка с Ираклием упыри мирные, тихие. На моей памяти никого еще не растерзали.

Данилюка это слабо утешило, но сделать он с этим явно ничего не мог. Не в полицию же заявлять.

Два упыря-прислужника явились не с пустыми руками. Собрали с могил другие подношения — еще шесть рюмок водки, два куска черного хлеба, шоколадную конфету, печенье и вареное яйцо.

Прятаться они, положе, не прятались, хотя солнце стояло высоко. То ли обычные живые люди их тоже не видели, то ли они умело избегали редких кладбищенских посетителей.

Конечно, нормального обеда из собранных по могилам крох не получилось. Но никому из присутствующих по-настоящему есть не требовалось, так что голодным никто не остался.

Трапеза сопровождалась беседой. Никишка и Ираклий говорить, положе, не умели вовсе, а вот Демьян Федорович и Прокоп чесали языками всюю. Данилюк, с интересом опорожнявший призрачные рюмки, больше слушал — но очень внимательно. Иногда задавал наводящие вопросы.

— А домовых вообще как... много? — спросил он Прокопа.

— Хватает, — степенно ответил тот. — Хотя сейчас уж не так много, как в былые времена. Я вот, к примеру, высотник — целое многоэтажное здание у меня под началом.

— Ого.

— А ты думал! — гордо подбоченился домовый. — Народ все хороший, добрый. А вообще я из господаров...

— Это что такое?

— Народец мой так называется, племя. Нас, домовых-то, много разных. Я на своем веку-то всяких повидал. Земниксов видал, кагырканов, бравунов, лютенгов. Заскувараса однажды встречал японческого. Но сам из господаров. Хотя нас немного уж осталось — сейчас если кто домовым становится, так все новыми... не знаю уж, как их и прозвать... да и нечасто уж становятся-то сейчас... Я-то сам с шестого веку еще, к северу от Константинополя проживал...

— В смысле становятся? — перебил Данилюк. — Кто становится?

— Ну как это кто? Большаки... люди. Как вот я стал, так и другие становятся... иногда. Сейчас нечасто уж, говорю.

— То есть... подождите... Прокоп... э-э-э... Батькович, так вы что, тоже раньше были человеком? — поразился Данилюк.

— А что тебя удивляет-то? — спросил Хозяин Кладбища. — Откуда нам еще братьша-

то? Духи не ражмножаютша, паренек. Мы вше когда-то были людьми... или животными. А некоторые — прошто штихийный выброш... прижрачношти. Для этого ештть какое-то ученое шлово, но я его не помню.

Уяснив этот момент, Данилюк спросил, почему они тогда так выглядят. Остальные же призраки выглядят так же, как при жизни. Одни с предсмертными увечьями, как Тряпочкин, другие без них. Голодные духи, да, монстры те еще — ну так у них и мозги тоже набекрень, там от людей и внутри-то ничего не осталось.

— Вот то-то и оно! — поднял палец Демьян Федорович. — У наш, паренек, тут та же шамая катаващия. Это там, у живых, бытие определяет шожнание. У наш, наоборот, шожнание определяет бытие.

— Это как? — не понял Данилюк.

— Да вот именно так. Как видишь. Как ты шам о щебе думаешь, шам щебя предшпавляешь — так ты и выглядишь. Обычные прижраки выглядят как люди — какими щебя помнят, такие и ештть. А мы, духи вщякие, выглядим как положено духам выглядеть. Я вот Хозяин Кладбища. Мне по должношти положено штрашилой быть — вот я и штрашила. А Прокоп — домовой. Домовые — они какие? Они мелкие. Их люди мелкими предшпавляют, и шам Прокоп тоже уверен был, что домовые — они вот такие. Вот он и штал вот таким. Укороченным и ш лошадиными ушами. А водяные вот чешуей покрываются, хвошт отращивают или еще что-то там такое. А лешие корой аль мехом жвериным... ну ты понял принцип, да?

— А... ну... кажется, понимаю, — не очень уверенно кивнул Данилюк. — То есть если я себя вообразу кем-нибудь другим... то тоже изменюсь?

— Прощо вообразишь? — усмехнулся Демьян Федорович. — Нет, паренек, шалишь. Чтоб ижменитьша, тебе нужно начать щебя кем-нибудь другим шчитать. Вшерьеж. Шамоу поверить, что ты — не Алеша Данилюк, а кто-то там еще. Вот тогда ижменишьша.

— Ага... Услышал вас... А можно еще вопрос?

— Валяй.

— Почему вы шепелявите? То есть я вижу, что у вас... языка нет, но... вы же призрак. То есть дух.

— Да та же причина, — проворчал Хозяин Кладбища. — Я не голошом говорю, а швоим о нем предшпавлением. Я при жижни-то шепелявым не был. Только теперь вот вмешто башки у меня череп. Беж языка. И я прекрашно жнаю, что это ничего не жначит, но вще равно в глубине души шчитаю, что должен шепелявить. Вот и шепелявлю.

— Так без языка же вы вообще говорить не должны. Никак.

— Шлушай, парень, да не ищи ты в этом логику. Ждешь вще в твоём шожнании, понимаешь?

Данилюк все еще не до конца понимал. Но общий принцип вроде бы уяснил.

Далее беседа утратила насущность. Духи заговорили о вещах отвлеченных — последних городских и мировых новостях. О политике заговорили, о военных конфликтах. Данилюку эти посиделки пикейных жилетов были неинтересны, а призрачная водка кончилась, так что он откланялся.

После аж семи рюмок Данилюк таки начал чувствовать себя под хмельком. В голове шумело почти так же, как бывало иногда при жизни.

Вряд ли он в самом деле пьян. У него же теперь нет организма, нет печени, нет крови... что там вообще задействовано, когда бухаешь? Он теперь призрак. Бесплотный дух.

Наверное, это снова чисто психологическое... как там говорил Фемьян Дедорович?.. Сознание определяет бытие?.. Он выпил семь рюмок водки, он полагает, что должен быть пьян, — и в итоге он пьян. Видимо, как-то так.

Интересно, а если он выпьет призрак яда — он отравится? А если его пырнут призраком ножа? Или застрелят призраком пистолета? Лучше не проверять, конечно, но знать такие вещи теперь надо.

Вообще, стоит побольше узнать о жизни призрака. Как тут все устроено. А то похоронить его похоронили... вроде как уже все... теперь окончательно... но за ним никто так и не пришел. Ни одна собака не удосужилась. И что дальше — неизвестно.

Вспомнился один старый фильм, тоже про привидение. Там у героя была какая-то цель. Кажется, выяснить, кто его убил, и отомстить. А еще позаботиться о жене... или невесте? Данилюк смотрел тот фильм очень давно и подробностей не помнил.

Так или иначе у героя фильма была цель. Незавершенное дело. Он его завершил и вознесся на небо... вроде бы на небо. Может быть, если Данилюк тоже что-то такое сделает... только вот что?

Он не оставил никаких незавершенных дел. У него нет ни жены, ни невесты. Была девушка, Вероника, но они расстались еще осенью. Она приходила на похороны, но рано ушла и выглядела скорее удрученной, чем печальной. Просто визит вежливости — все-таки полтора года встречались, не чужие люди.

Больше Данилюку заботиться не о ком. Детей нет. Брат и сестра — взрослые, самостоятельные люди. Родители еще не старые и ничуть не бедствуют. Бабушка тоже еще крепкая, да и позаботиться о ней есть кому и без него.

А какие еще бывают незавершенные дела? Отомстить за свою смерть? Кому? Водителю, из-за которого Данилюк погиб? Стоило бы, конечно, врезать ему как следует, но особой ненависти Данилюк к нему не испытывал. Машину он вел как полный дятел, но злого умысла-то у него не было. Просто несчастный случай.

Что еще, что еще... Ну вот на работе у него осталось незавершенное дело. Те документы для визы, которые он должен был подготовить... не сумел по уважительной причине. Может, из-за этого?

Да нет, конечно, не из-за этого. Сущя ерунда же. Но... больше в голову ничего не приходит.

Так что Данилюк решил в последний раз сходить на работу.

В турагентстве «Одиссей Тур» жизнь текла как обычно. Ну, почти. Был вечер пятницы, клиенты отсутствовали, и все уже предвкушали выходные. Серега, Стас, Дрон, Анюточка, Катюха и Гражина сидели за компьютерами, но не столько работали, сколько обсуждали последние новости.

А точнее, одну конкретную новость — его, Данилюка, смерть.

Девчонки качали головами, шмыгали носами, сочувствовали и расспрашивали Серегу, который только что вернулся с поминок. Никто, понятно, не подозревал, что покойник стоит рядом и с любопытством их слушает.

Языком чесал в основном Серега. Он вообще был словоохотлив не в меру. Еще он был не дурак выпить, в принципе не умел стесняться и обожал творить всякую хрень. Однажды на корпоративном походе в цирк он кинул монету так, что та срикошетила от лысины какого-то мужика и попала аккурат в декольте сидящей в другом ряду дамы. В турагентстве он ухаживал за всеми девушками без исключения и от всех получил отлуп.

Остальные коллеги не были такими яркими личностями, но и у них имелись свои черточки. Стас носил длинные волосы, Дрон умел пить лежа, Анюточка каждое утро ела йогурт, Катюха часто и смачно материлась, а Гражину звали Гражиной.

А вот у Данилюка не было и таких мелких особенностей. Он всегда был ужасно... обыкновенным. Не выделялся ровным счетом ничем.

Сейчас он стоял, слушал... Серега рассказывал уже не про похороны, а про девушку, с которой на них познакомился. Некую Эльвиру.

Данилюк попытался вспомнить такую, но не сумел. Наверное, кто-то из дальних родственников... или даже друзей кого-то из родни. На похоронах было несколько людей, которых он до этого вообще не встречал.

— ...Татарочка вроде бы, — тарыхтел Серега. — Красивая очень. Ну знаете, такая луноликая Фатима. Только Эльвира.

— А она Леше кем приходится? — робко вставила слово Анюточка.

— Не знаю, — отмахнулся Серега. — Сестра, может. Двоюродная. Или троюродная. Не знаю.

— Но Леша же русский... был...

— Да, может, приемная. Или вообще не сестра. Или сестра, но не его. Может, его сестры мужа сестра. Или еще кого. Не важно вообще. Я ей сразу понравился. А она мне. Она немножко полненькая, но это даже хорошо, полные девушки вообще лучше худых.

— Это чем это вдруг лучше?! — возмутилась Катюха.

— Да всем, — отмахнулся Серега. — Теплее. Мягче. Добрее. И подержаться есть за что. И вагины у них более узкие.

— Фу, Серега, заткнись, [цензура]! — поморщилась Катюха. — Вот [цензура] тебя немытым кирпичом, вечно [цензура] всякую несешь!

— Да ты просто ревнуешь, — ухмыльнулся Серега.

— К тебе?! Да ты на себя посмотри, мурло! У тебя у самого фигура, как у груши!

— Эй, я, между прочим, в тренажерный зал почти записался! — обиделся Серега.

— Так почти или записался?

— Записался. Почти. Дорого у них там. И обязательно годовой абонемент. Зачем мне

годовой? Я куплю — и не захочу ходить. А деньги пропали. Почему вот нельзя помесечно оплачивать? Или вообще просто за каждое посещение отдельно? Сегодня пришел — заплатил. Завтра пришел — заплатил. Послезавтра не пришел — не заплатил. Ну и чтоб каждое пятое посещение бесплатно. Или десятое. А если втроем пришли, то четвертого бесплатно провести можно.

— Да ты бизнесмен, Серега, — ухмыльнулся Стас. — Ты свою тренажерку открой, если такой умный.

— А что, и открою! — расправил плечи Серега. — Лучшую в городе! И будет у меня как в клубах — мужики занимаются за деньги, а красивых телочек пускаем бесплатно! А некрасивых тоже за деньги.

— Э, так ты так разоришься! — заржал Стас. — К тебе ж со всего города девушки будут бесплатно ходить.

— Так в этом-то и фишка! Смотри, какой стартап зачетный! У меня будет полный зал красивых телочек — а значит, и мужики будут ходить толпами! А с них я буду брать дорого!

— Ага... — задумался Стас.

— И это не все! Мужики повалят ко мне пялиться на телочек. А их жены это заметят. И спросят, что за дела, почему их мужики валят именно в этот зал. И пойдут с мужьями посмотреть. Увидят, что у меня там куча красивых телок, — и запретят мужьям ходить ко мне.

— Ну и все, ты разорился, — подытожил Стас.

— А вот и нет! Мужики же с этим не смирятся! Они же уже полюбили мой зал и моих телок, которые ходят ко мне бесплатно! Они будут скандалить дома! Всякие каблуки, конечно, сольются, но нормальные мужики все равно будут ходить! Но и их жены с этим не смирятся — поэтому будут ходить тоже! Чтобы присматривать за своими мужиками. Если эти жены некрасивые, то они мне платят, а если красивые — ходят бесплатно, и красивых телочек в зале еще больше! Понял?! В итоге все будут ходить в мой зал! Он будет градообразующим предприятием, Самара будет городом качков, а у меня будет куча бабла!

— А меня в твою тренажерку будут бесплатно пускать? — прищурилась Катюха.

— И нас!.. И нас!.. — заволновались Гражина с Анюточкой.

— Вас двоих — вообще без вопросов, — заверил их Серега. — А вот насчет Катерины надо еще подумать, конечно... ай!..

— Получишь ты у меня когда-нибудь, [цензура] с глазами, — спокойно пообещала Катюха, разминая пальцы после щелбана.

— Ладно-ладно, и тебя тоже бесплатно! — потер лоб Серега. — И даже Стаса с Дроном. Приравняю их к красивым телкам. Мне не жалко. У меня все равно будет куча бабла.

— Опять свое бабло считаешь, Старушенко? — донесся раздраженный голос. — Что, если клиентов нет, так можно не работать? Я не поняла.

Все сразу притихли и уткнулись в мониторы. Светлана Сергеевна, их генеральный директор, получила «Одиссей Тур» после развода — и любовью у подчиненных не пользовалась. Если бы в энциклопедии потребовалась иллюстрация к статье «стерва», ее фотография подошла бы идеально.

К счастью, в офисе Светлана Сергеевна появлялась не так уж часто. Хотя любила нагрять неожиданно, с внезапной проверкой. Сейчас она прошлась между столами, заглядывая каждому через плечо. Дрон едва успел свернуть окошко с Пикабу и открыть таблицу Excel.

— Так, трудимся, молодцы... — пробормотала хозяйка, ища, к чему бы придраться. — А Данилюк где? Почему отсутствует? Я не поняла.

— Как же... Светлана Сергеевна... а вам разве не сообщили?.. — пробормотала Анюточка.

— О чем не сообщили? Где Данилюк?

— Так он в декретный отпуск ушел, — ответил Серега.

— Старушенко, я не поняла.

— Шучу! — осклабился Серега. — Умер он. Машина его сбила.

Серега, блин... Данилюк испытал острый приступ испанского стыда — и все остальные явно тоже.

Кроме Светланы Сергеевны. Она только сложила губы куриной гузкой, покачала головой с деланным сочувствием и велела:

— Башановская, найди кого-нибудь вместо него.

— Конечно, Светлана Сергеевна! — пискнула Гражина.

Хозяйка уселась за осиротевший компьютер Данилюка, включила его и принялась лазить по жесткому диску. Стоявший позади нее призрак взирал на это крайне кисло. Попытался даже дернуть Светлану Сергеевну за волосы, поводил рукой туда-сюда сквозь ее голову.

— Так, с делами его что? — спросила хозяйка. — Незакрытые есть?

— Не, мы еще вчера все разобрали, — отчиталась Гражина.

— Да у него почти ничего и не было, — добавил Стас. — Леха ж аккуратист, он никогда ничего на потом не откладывал.

Данилюк, смотревший через плечо Светланы Сергеевны, и сам уже убедился, что документы на визу благополучно подготовлены и ушли по назначению. Кто-то из ребят подсуетился, отправил все куда нужно с его почты. Клиент, наверное, даже и не узнал, что его агент сыграл в ящик.

— Не такой уж он аккуратист был, Данилюк ваш, — возразила Светлана Сергеевна. — Косячил дай-то боже. Вот в прошлом году у нас две какие-то тур в Испанию покупали. А Данилюк им страховку от невыезда забыл продать. А им визу-то взяли и не дали... и что?

— Он не забыл, они сами отказались, — робко прошептала Анюточка. — Он им предлагал...

— Но не настоял ведь? Не настоял! А скандалили они потом с кем? Со мной они скандалили! Потому что косячите вы, а щеки горят у директора, — удовлетворенно подытожила Светлана Сергеевна.

— Но...

— А вот еще был случай! — вспомнила Светлана Сергеевна. — Вот на этот Новый год только! Купили тоже какие-то у Данилюка тур на Кипр, новогодний. А потом взяли и заболели. И сказали, что не полетят. А Данилюк ваш страховку от невыезда опять забыл продать. И все деньги они в итоге потеряли. Но все равно же потом пришли разбираться и требовать возврата! И не к Данилюку пришли, не к вам, а ко мне, к директору. Это вот как называется?

— Светлана Сергеевна, но вы же им деньги не вернули... — пролепетала Анюточка.

— Еще бы я стала им что-то возвращать! — фыркнула хозяйка. — Нашлись тоже умные! Но если бы Данилюк свои обязанности исполнял нормально, никаких проблем бы и не возникло. Хотя о покойных, конечно, только хорошо или ничего.

Слушавшему это Данилюку стало чертовски обидно. Он никогда не был блестящим продажником, «впаривать» туры, в отличие от того же Сереги, не умел и не любил, но свои обязанности всегда исполнял нормально. Светлана Сергеевна потому и поручала ему самых проблемных клиентов — знала, что кто-кто, а он точно не подведет. И Данилюк безропотно тянул свою ношу, как хорошая рабочая лошадка.

Он снова попытался хоть что-нибудь сдвинуть. Ему до смерти захотелось устроить тут полтергейст. Но все потуги, конечно, остались тщетны.

До конца рабочего дня Данилюк терся в офисе. А потом, когда все стали расходиться — увязался за Светланой Сергеевной. Очень уж ему приспичило... пошалить. Ну так, чуть-чуть.

Светлане Сергеевне недавно перевалило за сорок, она все еще была эффектной женщиной, но после развода жила одна. Ну... почти одна. С дочерью-дошкольницей и собакой непонятной породы.

Данилюк, войдя в ее пятикомнатную квартиру, с интересом осмотрелся, особое внимание уделив джакузи и белой мраморной статуе. Ни ребенок, ни собака никак на него не среагировали.

Цокая каблуками по паркету, Светлана Сергеевна скинула шубу, отпустила няню и принялась возиться с ужином. Внезапно оказалось, что она отлично готовит — выгляделастряпня соблазнительно, а уж запах... запах Данилюк ощущал слабо и как-то искаженно, но ощущал.

И он тоже был просто великолепен.

Девочка и собака чинно сидели на стульях и смотрели мультики, пока Светлана Сергеевна томила в кастрюльке соус для спагетти. Данилюк стоял рядом и ждал.

В десять вечера Светлана Сергеевна уложила дочку, а сама улеглась в джакузи с журналом и бокалом полусладкого. Данилюк стоял рядом и ждал.

Приняв ванну, Светлана Сергеевна высушила волосы и улеглась в двуспальную кровать с планшетом. Данилюк стоял рядом и ждал.

Наконец она уснула. Дождавшийся своего Данилюк сунул руку ей в голову и уже привычно осознал себя в чужом сне. Не полтергейст, конечно, но тоже неплохо.

Светлане Сергеевне снилась работа в офисе. Правда, не их «Одиссей Тур», а какое-то другое агентство — возможно, то, в котором она сама когда-то начинала. Маленькое помещение, заваленное папками, и всего два компьютера, причем старые, с пузатыми ламповыми мониторами.

Сама Светлана Сергеевна сидела за одним из них... почему-то в нижнем белье. Данилюку подумалось, что сон ему попался удачный. Он подошел ближе, директриса хмуро на него посмотрела и спросила:

— Данилюк, ты почему опоздал?

— Так умер же я, Светлана Сергеевна, — ответил тот.

— Когда умер? Почему? Я тебе разрешала умирать? Я не поняла.

— Ну извините, что так получилось. Я не хотел, честно.

— А по-моему, ты это мне назло, — раздраженно сказала Светлана Сергеевна. — Я бы тебя уволила, но теперь уже незачем.

Данилюк вздохнул. Во сне начальница осталась такой же эталонной стервой, как в жизни.

Прошло несколько дней. Потом недель. С того света за Данилюком по-прежнему никто не приходил, и он постепенно привыкал к жизни призрака. Кое-что узнал от Тряпочкина и Хозяина Кладбища, до других нюансов дошел на собственном опыте.

Например, спать больше не требовалось. Но при ярком свете резко ухудшалась видимость, поэтому Данилюк старался проводить дневное время под крышей. Иногда еще навещал родных, друзей, но все реже и реже.

В одностороннем порядке это оказалось довольно смущающим. Его никто не видел. Никто не знал, что он здесь. Все вели себя так, словно рядом никого нет... и господи, как же отвратительно порой ведут себя люди, когда думают, что их никто не видит! Не все, конечно, но многие! Данилюк узнал о родных такие вещи, которые знать совершенно не хотел.

После того как он застал своего брата за... одним занятием, ему окончательно расхотелось изображать из себя духа-хранителя. Тем более что ничего сделать или хотя бы сказать им он не мог.

Вместо этого Данилюк начал проводить время в компании других призраков. На улицах их становилось больше ночами, да и вообще духи предпочитали безлюдные места. Данилюк и сам чувствовал какую-то неловкость в присутствии живых. А уж когда те случайно сквозь него проходили... в самом деле неприятное ощущение.

Призраков в Самаре оказалось довольно много. Хотя далеко не все были так дружелюбны и разговорчивы, как Тряпочкин. Многие либо вовсе не реагировали ни на что, либо вели себя неадекватно.

Однако несколько знакомств Данилюк все-таки завел. Папа-Алконавт, например, всегда сидел на одном и том же месте — там, где пятнадцать лет назад замерз во сне. При нем всегда была одна и та же бутылка водки — бесконечная, как жвачка у Данилюка. И он охотно угощал ею всех желающих.

Или Джульбарс. Добрейший пес целыми днями патрулировал свой район, словно пытался что-то найти. Что именно, узнать не получалось — за редким исключением призраки животных и после смерти остаются животными. Данилюк несколько раз составлял ему компанию, даже пытался приручить, но Джульбарс следовал своими путями.

Еще Данилюк взял за привычку ночами прогуливаться по ресторанам, угощаться призрачными деликатесами. Духами тех блюд, что за день съели посетители.

Он уже усвоил, что призраки есть не только у людей, но и у предметов. Сломанных, уничтоженных... в основном тех, у которых была какая-то история, как быстро понял Данилюк. Если истории не было, если предметом просто немного пользовались, а потом сломали и выкинули — призрак быстро рассеется. А вот если этот предметный дух помнит что-то интересное, если он повидал какие-то события или долго принадлежал кому-нибудь — может возникнуть что-то вроде того трамвая-призрака.

Хотя это не совсем и призраки — скорее, просто тени.

И после еды они тоже остаются. Только держатся всего ничего — несколько часов, и истаивают. Однако за это время призраки-люди могут ими угоститься.

Выглядит это не особо аппетитно. На столах громоздится настоящее месиво — тени всех блюд, что были съедены за день. Одни еще довольно плотные, другие уже совсем расплывчатые, бесформенные. Перемешиваются, накладываются друг на друга, частично

сливаются.

Но вообще-то вкусно. И есть можно до бесконечности — голода нет, но нет и сытости. Данилюк поначалу каждый день ужинал икрой, лобстерами и страусиными антрекотами.

Потом надоело. Кроме редкости и дороговизны, ничего особенного в этих блюдах не оказалось. Обычная жареная курица куда вкуснее.

Еще он понемногу учился пользоваться призрачным смартфоном. Тот уже стал каким-то образом ловить Интернет — правда, только изредка, только в некоторых местах и только на прием. Отправлять сообщения он по-прежнему не мог... хотя Данилюк надеялся, что со временем и это начнет получаться.

В самом деле, такое впечатление, что его девайс скачивал откуда-то «обновления» — Данилюк то и дело замечал в приложениях что-то новенькое. И подзаряжать его больше не требовалось — в окошечке зарядки светилась перевернутая восьмерка. Похоже, астральные «аккумуляторы» работают бесконечно.

Почти два месяца Данилюк просто бродил где попало. По городу и за городом. Наступила весна, ужасно удивив городскую администрацию, и самарские дороги превратились в обычную череду луж и колдобин. Но призраку эти непролазные топи оказались нипочем — хоть какая-то светлая сторона. Данилюк бороздил снежно-грязевое месиво, как призрачный ледокол, шагал сквозь тающие сугробы, не боясь ни замерзнуть, ни вымокнуть, ни испачкаться.

Когда ото льда вскрылась Волга, Данилюк перешел ее вброд. Оказалось, что по воде призраки ходят так же легко, как и по суше. Главное — не думать, что это вода, а представлять ее просто как поверхность.

Ради интереса спустился на дно — дышать призраку тоже не требовалось.

Хотя интересного там как раз оказалось мало — темная муть во всех направлениях. Ничего толком не видно, разве что рыбы изредка мелькают.

Летать долгое время не получалось. Данилюк знал, что способен на это, но никак не мог понять принципа. Он пытался подняться усилием воли, подпрыгивал, «тянул» себя вверх — все тщетно.

Но в конце концов он нашел путь. Просто крепко зажмурился, вообразил, что перед ним лестница, и... зашагал. Открыл глаза через пару минут — увидел, что висит на высоте десятого этажа. Точнее, стоит.

Для призрака движение действительно оказалось чистой условностью. Гравитация на бесплотных духах не действует вообще, ограничиваться плоской поверхностью необязательно. Преодолей инертность мышления — и все. При желании можно ходить вверх ногами или перпендикулярно земле.

Впрочем, невесомости тоже нет. Есть... координаты в пространстве. Как тень на стене, как курсор на экране. Куда пожелал, туда и сдвинулся. Условность, абстракция.

Понемногу Данилюк научился перемещаться в любом направлении. Вверх, вниз, влево, вправо. Он по-прежнему перебирал при ходьбе ногами, но уже чисто по привычке, потому что делал так всю жизнь. А многие старые духи этого не делали... да что там, у иных и ног-то не было! Их заменял какой-то расплывчатый «подол» или этакий «хвостик».

Пожалуй, запасшись терпением, Данилюк сумел бы добраться и до Луны... лет этак за десять. А что — есть-пить не надо, спать не надо, дышать не надо, усталости нет... Может, и в самом деле отправиться в пеший поход, поглядеть на американский флаг в кратере?

Или можно еще потренироваться. Наверняка есть способ перемещаться побыстрее —

главное, найти его. Он же теперь призрак. Законы физики его больше не ограничивают.

Тренируясь, Данилюк заходил все дальше и дальше. Посетил Тольятти и Сызрань. Побывал в Чапаевске, Жигулевске, Безенчуке и деревне Кошки. Дошел до Жигулевских гор и даже походил внутри одной из них.

Не очень долго, правда. Там было довольно жутко. Темно, свод давит и полная дезориентация. Данилюк испугался, что заблудится и уйдет куда-нибудь в недра планеты, поэтому быстро повернул назад.

Дважды он сталкивался с голодными духами. В первый раз проблем не возникло — дело происходило на улице, и Данилюк просто ушел в ближайшую стену. А вот во второй раз его застигли в лесу — и Данилюк уже думал, что ему конец.

Спасся он лишь тем, что снова поднялся по воображаемой лестнице — летать тупые твари, по счастью, не умели. Данилюк засел на верхушке дерева и почти сутки прождал, пока голодные духи уберутся искать другой добычи. Уходить от них по воздуху он не рискнул — до города было несколько километров, а летал Данилюк и сам еще нетвердо. Стоило вспомнить, что он вообще-то человек, а не птица, как сразу тянуло вниз.

Не только голодные духи представляли опасность — были и «Летучие голландцы». Кроме трамвая-призрака Данилюк видел огромные, разъезжающие без лошадей сани и затонувший еще в войну, но продолжающий ходить по Волге пароход. К тому и другому приближаться не рекомендовалось.

К концу апреля Данилюку захотелось перемены мест. При жизни он работал турагентом, отправлял людей во все концы света, но сам за пределы области ни разу не выезжал. Так уж сложилось. Все откладывал на потом, думал, что еще успеет попутешествовать, но вот... не успел.

Зато теперь времени хоть отбавляй.

И в начале мая, когда грязь на дорогах засохла, Данилюк отправился в Москву. Решил начать со столицы. Потом, может быть, в Петербург, а дальше... дальше видно будет.

Сначала он собирался воспользоваться поездом, но подумал-подумал... и пошел пешком. Торопиться-то теперь некуда — так почему бы не посмотреть страну? Судя по Тряпочкину, впереди целые века — надо же их как-то убивать.

Шел Данилюк не быстрее, чем при жизни, зато круглые сутки. Просто отрешался от происходящего и тихо-мирно плыл вперед, любуясь пейзажами. Так и проходил за день километров сто пятьдесят.

Иногда шагал по обочине. А иногда — прямо по шоссе, аккуратно по разделительной линии. Посреди вечерних огней и гудков машин неспешно брел безмолвный призрак.

По-своему это было даже очень интересно. Его никто не видел, никто не замечал. Один раз прямо насквозь промчался какой-то лихач, но это был единичный случай.

По пути Данилюк посетил Пензу и Рязань. Там и там задержался на несколько дней, осмотрел достопримечательности. Образ жизни пешего туриста неожиданно пришелся ему по душе — тем более что дорожные расходы отсутствовали в принципе.

Май уже подходил к концу, когда провинциальный призрак вступил в Москву. Столица встретила Данилюка не аэропортом или вокзалом, как большинство гостей, а просто пригородами. Данилюк вошел с юго-востока, пройдя мимо Жуковского и Дзержинского, поглядев на Люберцы и Котельники. Пересек МКАД и двинулся по Волгоградскому проспекту.

Ориентироваться помогал астральный смартфон. Навигатор в этой штуке работал не

хуже, чем при жизни. Кое в чем даже лучше — иногда появлялись обозначения, которых в «двагисе» не было и быть не могло. Всякие призрачные здания, достопримечательности, опасные места. В районе Кузьминки Данилюк заметил пометку «крупное скопление голодных духов» и благоразумно обошел его стороной.

Москва действительно оказалась огромной. И призраков в ней водилось заметно больше, чем в провинции. Если по Самаре можно было бродить часами, не увидев ни единого духа, то здесь Данилюк в первые же десять минут встретил троих.

Будь он обычным туристом — начал бы с поиска жилья. Номера в отеле, съемной квартиры, комнаты в хостеле... уж на что средства позволяют. Но призрак в подобном не нуждается. Вещей нет, спать не надо, есть не хочется.

Так что Данилюк сразу же отправился осматривать достопримечательности.

Посетить ему хотелось очень многое. В первую очередь, конечно, Красную площадь и Кремль. Зайти в Мавзолей, посмотреть на вечно живого Ильича. Данилюк слышал, что открыт для посещения тот лишь в определенные дни и всего на пару часов... но для него-то это теперь не проблема.

Вообще, будучи призраком, он сможет побывать в таких местах, куда ни за что бы не попал при жизни. Пожалуй, даже в кабинете президента... хотя как раз это Данилюка не интересовало. Всегда был равнодушен к политике.

Так что весь первый день он просто гулял по улицам. Прошелся по Арбату, посетил зоопарк, видел Третьяковскую галерею, но внутрь не зашел — решил оставить на попозже. Очень много ходил вдоль Москвы-реки и добрался до парка Горького, где узрел очередной «Летучий голландец». То был большой пустующий корабль — без экипажа, без пассажиров, с зарешеченными окнами и странными силуэтами вокруг.

Другие призраки поднимались на борт, как сомнамбулы. Данилюк, видя это, предпочел не приближаться, хотя стоявший у трапа дух явно пытался привлечь его внимание. Махал руками, зазывал, показывал какие-то бумаги.

— Нет, спасибо! — крикнул Данилюк, ускоряя шаг.

Корабль поднял сходни, проплыл немного и принялся растворяться в воздухе. Через несколько минут его уже не стало — и Данилюк от души порадовался, что не пошел туда с остальными.

Смеркалось. По дорожкам еще гуляли парочки и ездил велосипедисты с роликобежцами, но они попадались все реже. Данилюк обошел Голицынские пруды, поднялся на смотровую площадку и посетил площадь Искусств. Та, правда, выглядела не лучшим образом — похоже, что-то ремонтировали.

С большим интересом Данилюк осматривал достопримечательности. Фонтаны, скульптуры,obelisks, памятные камни. Статую водолаза, какой-то девушки, бюсты знаменитых хирургов... от этих в небо почему-то тянулись призрачные, почти невидимые нити. Данилюк уже замечал такое у памятников.

Уже за полночь он направился к Воробьевым горам. Всегда хотелось там побывать, полюбоваться московской панорамой. Данилюк прошел Андреевской набережной, пересек проспект Вернадского и уже видел на другом берегу Лужники... когда на него напал голодный дух.

И ведь Данилюк еще заподозрил неладное, когда перестали встречаться призраки. Словно в офисе при визите налоговой. Но он полагал, что уже хорошо умеет избегать голодных духов, и не слишком встревожился.

Зря, как оказалось.

Тварь появилась со стороны реки. Данилюк не заметил, откуда именно — возможно, вылезла прямо из воды.

И это не был обычный голодный дух. Сначала даже показалось, что их тут целая стая — голов двадцать, если не больше.

Только потом стало ясно, что тело у них одно на всех.

Удрать от этой призрачной гидры у Данилюка не вышло. Он метнулся было назад, но голодный дух оказался быстрее. Растянулся гармошкой и преградил путь.

Данилюк отчаянно вертелся, но его со всех сторон окружали клыкастые бошки и когтистые руки. Двадцать с лишним голов глумливо скалились, облизывались длиннющими языками.

Данилюк глянул вверх — голодный дух сразу вытянулся, смыкаясь над головой куполом. Посмотрел вниз — от твари выметнулся десяток хвостов, хватая жертву за ноги.

— Нет уж, от нас не уйдешь! — внезапно рыкнул голодный дух. — Лучше и не пытайся!

Данилюк изумленно вскинул брови. Прежде эти твари не произносили ни слова.

Может, это и не голодный дух вовсе? Что-то другое?

Хотя настроено оно тоже явно недружелюбно.

— Ты... кто? — медленно спросил Данилюк.

— А не важно, — пробормотало создание сразу несколькими глотками. — Не важно, не важно. Зачем тебе знать? Незачем тебе знать. Тебя же не будет сейчас. Не будет, не будет. Больше не будет.

— Почему меня не будет? — спросил Данилюк, боясь услышать ответ.

— Съедем мы тебя сейчас. Съедем, съедем. Сожрем. Жрать хотим. Хотим жрать, жратеньки. Жрать-жрать-жрать.

Данилюк вздохнул. Похоже, все-таки голодный дух. Только какой-то особенный. Мутант, что ли?

— Мы можем это обсудить? — без особой надежды спросил он.

— Можем, обсудим. Обсудим, но потом. Обсудим. Потом, когда съедем. Жрать хотим, очень хотим, — забормотал голодный дух.

Данилюка схватили сразу десятком рук. Хватка другого призрака оказалась очень даже осязаемой. Данилюк не знал, что будет, если эта жуть реально его сожрет... но ему стало страшно.

Он принялся отбиваться, попытался вырваться, но где уж там! Вокруг сомкнулась настоящая стена из монстров — голодных полубезумных тварей, призраков-каннибалов. Бормоча всякую чушь, они тянули добычу в разные стороны, стискивали, точно клещами... и Данилюк почувствовал боль!

Вероятно, не настоящую боль. Фантомную. У призрака же нет нервов, нет рецепторов... но легче от этого не было! Данилюк заметался еще сильнее, но голодный дух обволакивал его многоголовой тушей!

Вот одна из голов цапнула за плечо. Другая. Вонзили зубы, точно бешеные псы, заставив Данилюка издать отчаянный крик.

Кровь, правда, не пошла. Но вместо нее в пасти твари хлынуло что-то... что-то... Данилюк понятия не имел, что там они из него высасывают, но ему это решительно не нравилось.

— Помогите!.. Кто-нибудь!.. — в ужасе возопил он.

И тут раздался выстрел.

Голодный дух яростно зашипел и разомкнул хватку. Еще два выстрела — и в его мерзкой туше появились дырки. Точь-в-точь пулевые отверстия. Только полилась из них опять-таки не

кровь, а... свет. Слепящие белые лучи.

— Иванов, Марков, Чугуев, Сергиевский!.. — раздался гневный окрик. — Я вас, [цензура], предупреждал, нет?!

Данилюк торопливо вырвался из ослабшей хватки, отскочил как можно дальше. Его неожиданный спаситель стоял в десятке шагов и целился из пистолета.

Это, несомненно, тоже был призрак. Хмурый немолодой дядька в потрепанной милицейской форме старого образца. Голодный дух при виде его зашипел, злобно огрызнулся, дернулся навстречу — но получил еще пулю и отшатнулся.

— Вы у меня уже вот где сидите, уроды! — рявкнул милиционер, проводя ладонью по горлу.

— Начальник, мы жрать хотим!.. — издал многоголосый вой монстр. — Жрать, жрать, хотим жрать!.. Дай, дай, еды, хотим, хотим!..

Милиционер в ответ выстрелил еще раз. Кошмарный дух вздрогнул, зарокотал, выпустил несколько десятков ног и боком-боком уполз в заросли. Походил он при этом на огромного фантазмагоричного краба.

— Жив, цел? — коротко спросил милиционер, убирая пушку. — Подрать не успели?

— Вроде не сильно, — с сомнением ответил Данилюк, ощупывая покусанные места. Те странным образом ныли, и было холодно.

— Жить будешь, — вынес вердикт милиционер, тоже осмотрев укусы. — Хотя нет, жить-то, конечно, не будешь, но... ну ты понял. Фамилия твоя как?

— Данилюк я, Алексей.

— Черкасский, Арсений, — сунул руку милиционер. — Дата и причина смерти?

— Двадцать четвертого... нет, двадцать пятого февраля. ДТП.

— Это уж три месяца почти, — присвистнул милиционер. — Почему здесь до сих пор?

— Дык... а где мне быть-то? — растерянно ответил Данилюк.

— Ясненько. Не пришел за тобой никто?

— Не пришел вот...

— Проблема. Что делать планируешь?

— Да... пока не решил.

— Не решил, значит... Но ты сам вообще как хочешь — уйти или остаться?

— А что лучше?

— Лучше, хуже... тут дело вкуса, старичок. Я на той стороне сам не был, что там и как, не знаю. Но большинство уходит.

Милиционер уселся на скамеечку и достал пачку сигарет. Вытряхнул одну, сунул в зубы — на кончике сам собой зажегся огонек. Данилюк, раньше не видевший курящих призраков, смотрел на это с интересом.

Удивиться, разумеется, не удивился. Если есть призрачная еда, почему не быть призрачным сигаретам? Данилюк, в свою очередь, кинул в рот жвачку, предложил и Черкасскому, но тот мотнул головой.

— Не куришь? — спросил он.

— Нет, спасибо, — ответил Данилюк.

— Правильно, вредная привычка... хотя теперь не вредная, конечно. Ладно. Ты смотри, старичок, уходить или оставаться — это тебе самому решать, конечно. Но если останешься — по улицам внимательней ходи. Банда Иванова и Маркова здесь не единственная. И даже не самая опасная.

— Они тоже голодные духи? — уточнил Данилюк.

— Духи. Голодные. Они... оно, скорее, а не они. Их как бы много... но как бы и один.

Суперпожиратель. Если снова увидишь такого хоть издали — беги сразу же.

Данилюк кивнул. Он от души надеялся, что больше с таким монстром не встретится.

Ему хватало и обычных голодных духов.

— Учту. Но я бы все-таки предпочел уйти... куда там все уходят, — высказался Данилюк.

— Ясненько. Законное желание. Что именно тебе мешает?

— Э-э-э... да вот кабы знать.

— Ясненько, — затянулся сигаретой милиционер. — Ну смотри, старичок. Призракам тут быть не положено. Для них другие места предназначены. И по эту сторону люди остаются в трех случаях. Первый, самый частый — отказники. Эти уйти могут, но не хотят. Их держит какое-то сильное чувство. Они что-то тут оставили, что-то не закончили... или просто очень боятся идти дальше. Вот именно такие становятся блуждающими призраками, шляются везде, ноют, портят жизнь себе и другим. Иногда перерождаются в голодных духов.

— Не, я не из таких, — поспешил заверить Данилюк. — Надеюсь...

— Да, у тебя скорее второй вариант. Ошибка в системе. Никто за тобой не пришел, врата не открылись, и ты... застрял. Такое пореже бывает, но бывает. У них там, иже еси на небеси, тоже, как я понял, накладки всякие бывают, сбои, а то и просто косяки. Потерял кто-нибудь твою бумажку, не в том месте галочку поставили, вот про тебя и забыли.

— Обидно, — вздохнул Данилюк. — А третий случай какой?

— А третий — мой, — ткнул себя в грудь милиционер. — Остаться добровольно, чтобы... ну, типа работать. Называется — бодхисатва.

— Чего?.. — не понял Данилюк.

— Чего-чего... Не тупи. Бодхисатва я. Есть такое слово.

— Э-э-э... а вы что, буддист?

— Почему?

— Ну... это же из буддизма что-то, нет?.. — почесал в затылке Данилюк. — Я слышал где-то...

— Да нет, не буддист. Я... а фиг его знает. В юности коммунистом был, потом... потом никем, наверное. Особо не задумывался, работал много.

— А кем вы работали?

— А что, по мне не видно? — хмыкнул Черкасский. — Ментом я работал. С семьдесят восьмого по девяносто девятый служил, панимашь, в органах, криминальный отдел, капитан. А потом возле Казанского попал под раздачу... ну меня и того. Громкое было дело... слышал, может?

— Не, не слышал...

— Ну еще бы, ты тогда еще школьником был...

— Да не, я вообще не москвич.

— А, понаехавший. Ну бывает.

— Да я не... ладно. И как это вообще у вас получилось?

— Что?

— Ну... бодхисатвой стать. Как ими становятся?

— За всех не скажу, — затянулся в последний раз Черкасский. Окурок вспыхнул и рассыпался искрящейся пылью. — Но вот возьми меня. В жизни мне не нужно было ничего.

Машина, мебель, шмотки... плевать я на них хотел. Спортom заниматься лень. Книжки читать скучно. Я даже не бухал — не хотелось. Питался одними сосисками с макаронами. После работы просто лежал, смотрел в потолок и размышлял о всякой фигне. Как Обломов. С точки зрения классиков я был лишним человеком и вел бесцельное существование. А с точки зрения буддизма я освобожден от страстей и близок к просветлению... Такая вот фигня, старичок.

— Да ладно, — усомнился Данилюк. — И что, этого достаточно?

— Ну правда, я еще работу свою любил, — добавил Черкасский. — Горячо. Нравилось, панимашь, порядок наводить. Поэтому, может быть, и остался в таком вот виде. Такой типа астральный мент.

— А как это у вас вообще было? Вас кто-то назначил... за вами приходили?..

— Да нет, — поморщился милиционер. — Это не так происходит. У нас, в Сумраке, с этим попроще. Думаешь, голодных духов кто-нибудь приговаривает стать такими вот? Сами превращаются, паскуды. Так и у меня было. Просто как-то изнутри понимание пришло — вот это мое, буду это делать.

— И вы не против были?

— Так я ж тебе говорю — это не сверху откуда-то назначение. Это призвание твое... типа. Если б я против был, ничего б и не случилось, панимашь. Я первое время и не задумывался особо — просто как при жизни порядок наводил, так и после смерти продолжил... Это уж потом поговорил с прошаренными людьми... духами, они мне и растолковали, что я теперь типа бодхисатва. Такие дела, старичок.

Черкасский поднялся со скамейки, вздохнул и сказал:

— Но ты явно не бодхисатва, раз болтаешься без определенных занятий. Ты — ошибка в системе. Косяк.

— И что мне делать теперь?

— Вот что, старичок, — хлопнул Данилюка по плечу милиционер. — Я тебя поставлю на учет. Если кто снова будет наезжать — обращайся. Этот район — он мой, я тут на сигналы быстро реагирую. Слышу далеко, езжу быстро. Но вот эти все дела с миграцией — они не по моей части. Я даже не знаю, как там оно — на том свете. Никогда не бывал. Зато знаю, кто тебе поможет.

— Кто? — заинтересовался Данилюк.

— Известно кто. Специалисты. Проводники. Про ангелов смерти слышал? Туда, на тот свет, многие идут своим ходом. Но многих провожают. И вот мой тебе совет — найди такого провожатого и попроси помочь. Он если сам и не проведет, так по крайней мере скажет, куда обратиться. Понял?

— Чего ж не понять...

Милиционер приложил два пальца к околышу фуражки и уселся на мотоцикл. Данилюк мог поклясться, что еще секунду назад его тут не было, но теперь он стоял рядом — тоже устаревшей модели, явно еще советского производства, с треснувшей рамой. Однако при этом выглядел он каким-то удивительно надежным — словно бывалый боевой конь, много лет возивший своего человека.

— Кстати! — вспомнил милиционер. — Еще есть такой вариант. Можешь наведаться в парк Горького и подождать Корабль Умерших. Он каждый год там появляется в конце мая, возит духов на тот свет. Не помню точную дату, но вроде уже должен быть.

— Блин! Так я же его только сегодня видел! — выпучил глаза Данилюк.

— А чего ж не зашел?

— Да я ж не знал!

— Ну... тогда жди до следующего года. Или все-таки вылавливай ангела смерти.

— Спасибо, буду вылавливать... а как его вылавливать?

— Да известно как. Жди, пока кто-нибудь умрет.

Черкасский кивнул Данилюку, надавил на газ и поехал по аллее. Потом свернул вправо, спустился по набережной, пронесся по реке и поднялся в ночное небо. Данилюк проводил его взглядом и неторопливо зашагал в противоположную сторону.

Искать ангела смерти.

Стать свидетелем чьей-то смерти не так-то легко. За двадцать восемь прожитых лет Данилюк видел одну-единственную — собственную. И ту, можно сказать, прозевал — слишком уж быстро и внезапно все произошло.

Просто ходить хвостом за каким-нибудь дедом подрыхлее, конечно, не вариант. Слишком надолго может затянуться. Да и противно как-то.

Автокатастрофы, несчастные случаи и насильственные смерти происходят непредсказуемо. Это только герои комиксов всегда оказываются в нужное время в нужном месте.

Хорошим вариантом была бы смертная казнь, но в России высшую меру наказания давно отменили. Не в Беларусь же ехать.

Так что Данилюк решил начать с больницы. Там, понятно, люди умирают тоже не каждый день, но все же чаще, чем в других местах.

При жизни Данилюк отличался крепким здоровьем и к врачам обращался редко. Пару раз простужался, кариес, один раз пищевое отравление — вот и все. Если не считать стоматологического кабинета, в больницах он бывал только на медосмотрах и проходил их без задержек.

А сейчас он плыл по коридорам, смотрел на окрашенные в цвет детского поноса стены, и его будто подмораживало. В церковь он, помнится, войти не сумел... интересно почему, кстати. С больницей таких проблем не возникло, но атмосфера внутри оказалась крайне... антипризрачная. Данилюку хотелось убраться как можно дальше прямо сейчас.

Возможно, это именно из-за того, как часто здесь умирали. На кладбище вот Данилюк подобного не испытывал — там, напротив, было как-то уютно, умиротворенно. А в больнице... в больнице оказалось зябко. В воздухе клубился какой-то черный пар, зловещие миазмы. Лица некоторых больных казались особенно затуманенными, и из них сочилось... что-то. Такие призрачные флюиды, разноцветный дымок.

Может, это так жизнь утекала?

Находиться тут дольше необходимого Данилюку совсем не хотелось. Особенно после того, как он заметил в тенях голодных духов — только совсем крохотных, едва с кошек размером. Те жадно следили за Данилюком, но кидаться не кидались — крупновата добыча. Вместо охоты на других духов они питались теми самыми флюидами, что сочились из больных — жадно лакали их, пили, как комары.

Данилюк шугал этих падальщиков, но те лишь отступали в тень, провожали его злющими взглядами и возвращались. Ловить их голыми руками было явно бессмысленно — да и сможет ли Данилюк причинить им какой-то вред?

Вот кабы ему призрачный пистолет, как у Черкасского...

Несмотря на болезненную ауру, каждый день народ тут явно не помирал. Неизвестно, сколько придется ждать. Чтобы повысить шансы, Данилюк направился в отделение реанимации... и там удача улыбнулась ему почти сразу же.

Улыбнулась удача. Данилюку стало стыдно за такую мысль. Он ведь фактически радуется чьей-то смерти. Ради своей мелкой сиюминутной выгоды надеется, что вот этот незнакомый дядька сейчас умрет.

А что человек на койке умирает, видно было невооруженным взглядом — возле него

собралась целая бригада врачей. Вот раздался особенно громкий хрип... и с постели поднялся растерянный призрак.

Данилюк внимательно смотрел. Сразу стало видно, что здесь все проходит не так, как было с ним, — в воздухе распахнулась воронка. Тоннель из света. Новопреставленный зачарованно двинулся к нему... и тут ему преградили дорогу.

Это тоже был призрак. Седой как лунь дедушка в белом халате. Он расставил руки в стороны, покачал головой и сказал:

— Не спешите, больной. Вам на ту сторону еще рано. Давайте-ка обратно.

Свежий дух изумленно моргнул и попытался обойти старика. Его неудержимо манил потусторонний свет. А вот Данилюк почему-то идти туда совсем не хотел — внутри было странное понимание, что этот тоннель не про его честь.

— Не надо упрямыться, больной, — повторил старик, мягко беря умершего за руку. — Вас дома жена ждет, дети. Пойдемте, я вам помогу.

Свежий дух покорно двинулся с ним. Старик подвел его обратно к койке, слегка подтолкнул в грудь, и дух... влетел в свое прежнее тело.

Тоннель из света тут же закрылся. А перенесший клиническую смерть резко распахнул глаза, издал полукрик-полувсхлип, и врачи радостно загомонили.

— Жив, курилка! — донесся приглушенный крик.

Седой призрак машинальным жестом отряхнул руки и внимательно посмотрел на Данилюка. Тот размышлял. Почему-то было интересно, запомнил ли этот воскресший что-нибудь из увиденного. Сны, в которые проникал Данилюк, почти все забывали сразу же, но то сны, а тут вроде как явь...

— Вы из какой палаты, молодой человек? — вежливо спросил старик. — Я вас что-то не помню. Или вы не из интенсивной?

— Да нет, я... я просто зашел, — рассеянно ответил Данилюк. — Я давно уже умер.

— А, тогда ладно, — явно обрадовался старик. — А то я уж испугался, что прошляпил вас. Вы по какому вопросу тогда? Могу чем-то помочь?

— Не знаю... у меня такое дело... необычное немножко... Вас зовут как, если не секрет?

— Базаров, Николай Аркадьевич, — представился старик. — А вас?

— Алексей. Николай Аркадьевич, вы... вы, случайно, не... вот то, что вы сейчас сделали...

— Стараемся по мере сил, — скромно ответил старик. — Вы не мнитесь, молодой человек, прямо говорите. Что вы слова-то жуετε?

— Вы... бодхисатва? — высказал догадку Данилюк.

— Да какой я бодхисатва, ну что вы, — поморщился Базаров. — Придумали же словечко. Я ж не индус какой-нибудь, право. Я так просто, тружусь помаленьку.

— А вы, если не секрет, при жизни кем были? — любопытствовал Данилюк.

— Реаниматологом я был, молодой человек. Всю жизнь вот в этом самом отделении проработал. В нем же и скончался. И по-прежнему на посту.

Данилюк уважительно кивнул и изложил свое дело. Мол, он бы тоже был абсолютно счастлив вернуться к жизни, но его биологическое тело умерло как бы уже три месяца назад. Протухло давно небось. Теперь туда вряд ли вернешься, а если даже и вернешься — люди не поймут.

Ну а поскольку к призрачной жизни Данилюк призвания не чувствует, он был бы очень

рад найти дорогу... куда там все отправляются. Вот в этот самый тоннель из света. Они тут вообще часто раскрываются?

— Да случается, конечно, — задумчиво ответил Базаров. — Тут у нас интенсивная все-таки, больные периодически клиническую переживают. Ну их каждый раз и тянет... туда куда-то. Я, простите уж, не в курсе, что там на другой стороне. Но вы время не теряйте — здесь вы будете дожидаться долго. Мимо меня редко кому пройти удастся.

Данилюка это, понятно, не порадовало. Но он тут же снова устыдился своих чувств. Мелочно как-то, эгоистично.

Поэтому он просто распрощался с врачом-бодхисатвой и пошел искать ангелов смерти в других местах.

Больницы он решил пока оставить в покое. Вряд ли, конечно, в каждом московском отделении реанимации дежурит такой вот добрый призрак, но все равно. Данилюку просто не хотелось снова попадать в эту душную атмосферу.

Но другие варианты были еще хуже. Призраков Данилюк видел много, но только старых, застрывших в мире живых. Некоторые, как и он сам, просто «выпали из системы», но чаще попадались подобные Тряпочкину — сами не желающие никуда уходить. У многих таких была реальная беда с головой, а иные уже начинали превращаться в голодных духов.

Бодхисатвы встречались гораздо реже, но среди обычных призраков они выделялись. Бесцельно не блуждали, ерундой не страдали, от голодных духов не бегали. Кроме капитана Черкасского и доктора Базарова Данилюк познакомился еще с бывшей учительницей, которая заботилась о духах детей, и бывшим барменом, который устроил забегаловку для призраков. Оба произвели на Данилюка самое положительное впечатление.

Но были и другие. Были своего рода антибодхисатвы — нечистые духи, возненавидевшие мир и живых. Просто за то, что они мертвы, а эти — еще живы. Они посвятили себя вреду — бессмысленному насилию и убийствам.

Встретилась Данилюку, например, очень необычная пара. Двое погибших в одной и той же аварии — один, дальнбойщик, задремал после долгой поездки и врезался в другого. Но он так раскаивался в сотворенном, что остался на той дороге, предотвращая другие аварии. Немало задремавших водителей увидели сквозь сон тревожно кричащего человека.

А вот второй погибший страшно озлобился и стал, напротив, аварии подстраивать. Реально превратился в подобие полтергейста и принялся замораживать водителей, насыпать на них сон, дергать за руль.

Данилюку этот тип показался хуже даже голодных духов.

Но никого из только что умерших Данилюку так и не попалось. Один раз он, правда, видел сбитого машиной кота, но за ним никто не явился. Просто вспыхнуло что-то вроде радуги, и кошачий призрак по ней ушел.

Гордо так, независимо.

Закончился май, и начался июнь. Данилюк взял в привычку выходить на поиск по ночам, а дни просиживать в той самой забегаловке для призраков. Там недурственно кормили, всегда было с кем поболтать, имелись бильярд, дартс и настольные игры, а желающим предоставлялись даже комнаты.

Не бесплатно, правда. Призрачный бармен брал за призрачную выпивку призрачные деньги. Данилюк даже усомнился, в самом ли деле он бодхисатва. Может, просто обычный дух-барыга?

Впрочем, деньги у Данилюка имелись. Те почти девять тысяч рублей, что были в

кошельке на момент смерти. В отличие от жвачки, они оказались не бесконечными, но Данилюк не видел в них особого проку. Тем более что цены в призрачном баре не кусались.

Зачем этому типу деньги, Данилюк так и не понял. Однако спустя пару недель, когда кошелек опустел, бармен предложил ему подзаработать. Очень простым способом — собирать по магазинам и ресторанам призраки еды, питья, сигарет и прочих ништяков.

Данилюку предложение показалось странным. Зачем продавать этому барыге еду, чтобы потом покупать ее же обратно? Да, его заведение предлагало и другие услуги, но не так уж много и не такие уж полезные.

Возможно, в призрачной Москве были и другие торговые точки, но Данилюк о них не знал. Деньги в Тени не ценились. Умершие дома или в больнице обычно являлись с пустыми карманами, но хватало и тех, что погибли на улице. Именно они обеспечивали свежие вливания в экономику мира духов.

Экономику. Даже звучит смешно. Призраков слишком мало, и у них отсутствуют материальные потребности. Им не нужно ни жилье, ни пища, ни одежда. А некоторые вообще целыми днями стоят на месте и смотрят в стену.

От подработки Данилюк отказался. Желай он устроиться в Тени надолго — копнул бы эту тему поглубже. Может, даже сам бы замутил какой-нибудь бизнес. Вот хоть то же турагентство — ниша вроде никем не занята.

Но оставаться в Тени Данилюк не планировал. Он хотел отбыть на другую сторону. Туда, где вся движуха.

Так что он продолжал искать способ перебраться. И бармен дал ему совет — пытаться счастья на кладбищах. Конечно, умирать там почти никто не умирает. Но у многих духов, как оказалось, сохраняется связь с оставленным телом. Такие не могут уйти на тот свет, пока их не похоронят.

Поэтому застать ангела смерти на кладбище проще, чем где-либо еще.

Совет оказался удачным. Весь следующий день Данилюк рыскал по Хованскому кладбищу, ища свежие могилы и похороны. И в конце концов нашел такие, рядом с которыми болтался призрак.

Это были очень скромные похороны. Кроме могильщиков у гроба стояли всего двое — закутанная в шаль старушка и здоровенный парень с бессмысленным взглядом. На протяжении церемонии они не произнесли ни слова.

Призрак же выглядел крайне недовольным. Был он даже моложе Данилюка, тощий и пучеглазый. Время от времени его странным образом передергивало — словно рябь по коже шла.

— Привет, не помешаю? — подошел ближе Данилюк.

— Чего надо? — грубо ответил призрак.

— Да ничего, мимо просто шел... — слегка опешил Данилюк.

— Ну и иди мимо, [цензура]! — повысил голос призрак.

— Ладно-ладно, не кипишуй, уже уйду, — решил не начинать конфликт Данилюк.

Хотя далеко отходить не стал. Пристроился у ближайшего дерева и пристально следил за намеченной целью. Призрак явно нервничал, беспокоился — и Данилюк его хорошо понимал. На своих похоронах ему тоже было здорово не по себе.

А потом... на сцене появился еще один призрак. Точнее, не совсем призрак. Он тоже выглядел для Данилюка четким и ясным, а живые его явно не видели. Но этот парень был облачен во все белое, над головой у него мерцал золотистый кружок, а за спиной... за спиной

висели крылья.

— Блин, — только и сумел вымолвить Данилюк, торопливо бросаясь к ангелу.

Тот негромко беседовал с умершим, положив руку ему на плечо. Призрак слушал с кислым видом. Навстречу Данилюку они обернулись, и ангел — несомненный ангел! — нетерпеливо спросил:

— Чем могу помочь?

— Ну, я... — замешкался Данилюк, пытаясь подобрать слова. — Я тоже как бы...

— Как бы что?

— Как бы умер. Можно и мне с вами?

— Куда? — уточнил ангел.

— Ну, куда вы вот этого... Куда его?..

— Да, куда меня? — спросил пучеглазый призрак.

— В распределитель. Я всех отвожу в распределитель. А дальше уже там решат.

— А что они решат? — спросил Данилюк.

— Не знаю, — пожал плечами ангел. — Но судя по тому, что он откинул коньки от передоза краденым коксом... не думаю, что его отправят к райским вратам. Скорее уж сразу на сковородку.

— Черт!.. — вырвалось у пучеглазого.

— Да, скорее всего, — кивнул ангел.

Призрак наркомана занервничал еще сильнее. Повертел головой, задрожал как осиновый лист, а потом вдруг резко толкнул ангела и бросился наутек!

Ангел его даже не окликнул. Просто заученным движением схватил свой нимб и... метнул, как бумеранг. Светящееся кольцо разрезало призрака пополам и вернулось на свое место.

Данилюк изумленно моргал, глядя на наркомана. Тот обиженно стонал, таращась на свои ноги, отделившиеся от туловища. Кровь из него, конечно, не текла, но какой-то серебристый пар сочился.

— Я так понимаю, выбора вы не предоставляете, — медленно сказал Данилюк.

— Не предоставляем, — подтвердил ангел. — Духи всяких подонков и рады бы остаться здесь, да только кто ж им позволит? Да не ной ты, сейчас обратно склеишься! — крикнул он наркоману.

Его половинки и в самом деле уже соединялись. Ангел подошел, деловито осмотрел «клиента» и повел рукой, раскрывая в воздухе проход. Уже входя в светящуюся дверь, он подозвал Данилюка и сказал:

— Слушай, я сейчас тороплюсь, извини. Но ты вот чего... знаешь кафе «Эдем» на Адмирала Корнилова?

— Найду. А что?

— Я в этом районе работаю. А в том кафе зависаю, когда клиентов нет. Ты там меня дожись — спокойно поговорим, решим твою проблему.

— Спасибо! — искренне обрадовался Данилюк.

— Только я не знаю, когда именно у меня «окно» появится... может, подождать придется.

— Да подожду, мне теперь торопиться некуда...

— Правильно мыслишь, — похвалил ангел, толкая наркомана в спину.

Проход на тот свет закрылся, и Данилюк снова остался один.

Кафе «Эдем» было совершенно обычным, типовым заведением. Цены чуть ниже среднего, блюда умеренной съедобности. Вечером ангел не появился, и Данилюк провел в зале всю ночь, поедая призраки блинов, шашлыков и пицц.

Пицца в «Эдеме» оказалась отвратной.

В восемь утра кафе открылось, пошли первые посетители. Данилюк внимательно следил за дверями, высматривая вчерашнего ангела. Лицо его он отлично запомнил... хотя зачем? Особые приметы у него такие, что вряд ли с кем перепутаешь.

Но пока что никого с крыльями и нимбом в зале не было. За одним столиком щебетали две девушки, за другим молодая мама пыталась впихнуть салат в пухлого ребенка, за третьим молча жевали идущие с ночной смены работяги, а за четвертым пил кофе лысоватый морщинистый старичок.

Данилюк прохаживался по залу, от скуки заглядывая в тарелки и телефоны посетителям. Потарачился несколько минут на планшет молодой мамы — та пыталась решить какую-то головоломку, пока ребеночек временно затих. Остановился возле старичка — тот допил кофе и теперь читал газету. Данилюк хмыкнул — сам он не брал в руки бумажную прессу лет уж семь.

Старичок его как будто услышал. Он отложил газету, медленно повернул голову и негромко сказал, глядя прямо на Данилюка:

— Не стой над душой, дружок. Не люблю.

— Извините... а вы меня что, видите?! — поразился Данилюк.

— Конечно.

На самом деле старичок и впрямь выглядел необычно. Он явно не был призраком, но Данилюк видел его четче и контрастнее, чем других живых. К тому же вокруг него разливалось странное марево — как вокруг того попа, что когда-то нечаянно выручил Данилюка, но совсем другого оттенка. Не мягкий дневной свет, а эдакий серый дымок.

А тут как раз вошел и ангел. Не появился из воздуха, не просочился сквозь стену — просто открыл дверь и вошел. Кивнул старичку и уселся напротив.

У столика сразу появилась официантка. Ангел не стал брать меню, только коротко бросил:

— Омлет и кофе.

Официантка записала и отошла. А Данилюк удивленно спросил:

— Она тебя видела?!

— Конечно, — ответил ангел. — А почему нет?

— Я думал, что ты... невидимый.

— Только когда сам этого хочу.

Сегодня ангел был без «отличительных признаков». Ни крыльев за спиной, ни нимба над головой. Одет в обычные брюки и рубашку, хотя и светлых тонов. Он преспокойно сидел за столом и ел омлет, ничем не выделяясь среди посетителей.

Данилюк неловко переминался рядом. Присесть ему не предложили, а делать это без приглашения казалось невежливым. Старичок косился на него поверх газеты и неприятно хмыкал.

— Вы тоже ангел? — спросил у него Данилюк.

— В определенном смысле, хех, — как-то особенно мерзко хмыкнул старичок.

Он провел ладонью по макушке, и из плечи на секунду показались... рога?.. Самые настоящие рожки — аккуратные, похожие на козьи.

— Оу, — только и сумел сказать Данилюк, невольно отступая на шаг.

— Расслабься, я сейчас не на работе, — презрительно фыркнул черт. — Здесь у нас нейтральная территория. Типа.

— Так нейтральная или типа нейтральная? — уточнил Данилюк.

— А это уж как тебе больше нравится. Ты присаживайся, присаживайся. Хочешь кофе?

Данилюк вопросительно глянул на ангела — тот молча ел омлет. Проголодался, наверное... хотя разве ангелам нужно есть? Данилюк понятия не имел.

От кофе он предпочел отказаться. Призрак напитка, выпитого чертом, вроде бы не отличался от других призраков еды, но... лучше поостеречься. Мало ли, вдруг подвох какой.

— А вы тоже... ну... на тот свет провожаете? — осторожно осведомился Данилюк.

— Не, я не по этой части, — осклабился черт. — Этим сборщики душ занимаются, а я ересиарх.

— Ого. А чем занимаются ересиархи?

— Смущаем людские души, — охотно объяснил черт.

— Например?

— Ну вот вчера я, например, убедил одного важного чиновника, что в его городе уже слишком много детских садов. И он заморозил их строительство.

— А что построят вместо них?

— Еще три храма! — радостно заржал черт.

Ангел со звоном поставил чашку на блюде. Отстучав пальцами дробь по столу, он пристально посмотрел на черта, потом перевел взгляд на Данилюка и велел:

— Рассказывай.

Тот рассказал. Это не заняло много времени: умер — никто не пришел — застрял здесь — хочется свалить. Ангел задал еще несколько уточняющих вопросов, но потом вздохнул и покачал головой.

— Прости, помочь не могу, — сказал он. — Сам видишь, из какой я конторы. Я работаю только с христианами.

— Католиками или православными? — зачем-то спросил Данилюк.

— Теми и другими. А еще с лютеранами. И баптистами. И адвентистами седьмого дня. И еще десятками малых христианских течений. Всеми крещеными.

— А почему только с ними?

— Как тебе объяснить... Вот ты сам при жизни кем работал?

— Турагентом...

— Вот, отличная аналогия, — обрадовался ангел. — Крещение — это как турпутевка, понимаешь? Если оно у тебя есть — я твой гид. Я тебя проведу, все покажу, все объясню и устрою на жительство.

— А экскурсии вы продаете? — мрачно пошутил Данилюк.

— Можно договориться. Но это если есть турпу... крещение. А если нету — извини, наша компания тебя не обслуживает. Обращайся к другим.

— А у других как оно устроено?

— У буддистов свои правила, у язычников свои. У всех по-своему.

— А с атеистами как? — спросил Данилюк о интересующем его больше всего.

— «Дикарями» путешествуют, без «турагентства». Полностью на свой страх и риск.

— А это как вообще?

— У всех по-разному получается. Ну вот, например, если на той стороне у тебя есть родные или близкие — они могут походатайствовать, «выписать» к себе. У тебя в Раю есть кто?

Данилюк задумался, но так никого и не припомнил. Дед десять лет назад помер, но он тоже был атеистом. Бабушка верующая, но она еще жива. Про прадедов-прабабок и всякую дальнюю родню он таких подробностей не знал.

— Нет, некому меня выписать... — пробормотал Данилюк. — А еще какие-нибудь варианты есть? Куда деваются атеисты, у которых нет родни в Изра... в Раю?

— Некоторые бродят по Лимбо, — ответил ангел. — Другие оседают в мире мертвых. Третьи сразу уходят на перерождение. А некоторые, как вот ты, так и шляются среди живых.

— Вечно, что ли?

— Теоретически. Но обычно рано или поздно одни все-таки куда-нибудь уходят, другие попадают в зубы голодным духам, а третьи... третьи пополняют их ряды.

— Пополняют?..

— Ну да. Голодные духи — это тоже души умерших. Те, кому повезло меньше всех. Утратившие разум, поглощенные Тьмой...

— Да я знаю, знаю, — перебил Данилюк. — Мне про это уже говорили. Просто... я что, тоже могу стать таким вот... голодным?

— Нет, тебе это вряд ли грозит.

— Откуда ты знаешь?

— Я ангел все-таки. Мы такие вещи видим.

— Ладно, поверю на слово... Но что ж мне делать-то все-таки? Корабль Умерших ждать?..

— Корабль Умерших не советую, — мотнул головой ангел. — Там провозят не за так. Долг навесят, отрабатывать придется.

— Долг?.. Отрабатывать?.. — не понял Данилюк. — Да я б и отработал, если условия не слишком кабальные...

— Не советую, — повторил ангел. — Пожалеешь потом.

— Ладно-ладно, снова поверю на слово. Но все-таки — какие у меня варианты тогда?

Ангел ненадолго задумался. Прервался на минуту, расплачиваясь по счету, а потом медленно сказал:

— Я отправлю насчет тебя запрос по инстанциям. Посмотрим, что можно сделать.

— О, спасибо! — оживился Данилюк.

— И всего через три года ты получишь официальный отказ! — весело воскликнул черт.

— Через сколько?.. Серьезно?!

— Не слушай его, — проворчал ангел.

— Это его не слушай, — фыркнул черт. — Все гораздо проще. Если ты призрак, уйти в загробный мир — самое элементарное дело. Не нужно никаких провожатых, они просто бесполезная прослойка. Почти все рано или поздно находят туда дорогу сами — повернется, понимаешь, душонка здесь две-три недельки, а там и фьют!.. убредает за Кромку. У большинства это само собой получается, произвольно. Надолго задерживаются в основном те, кого здесь что-то держит. Или те, кому страшно уходить. Ты из каких будешь?

Данилюк пожал плечами. Его ничто не держит. И уходить ему не страшно.

— Ну вот, — подытожил черт. — Значит, ты застрял просто случайно, по недоразумению. И не нужны тебе никакие инстанции. Могу даже подсказать короткую дорогу...

— Пятьдесят шестой параграф Соглашения, — сухо перебил его ангел.

— Все-все, молчу, — ухмыльнулся черт. — Видишь, с кем приходится иметь дело? Еще спрашивается, кто тут желает всему зла.

Данилюк пребывал в сомнениях. Маяться три года в ожидании, возможно, даже отказа ему совсем не улыбалось. Ждать почти год возвращения Корабля Умерших тоже не хотелось. Тем более что с ним, похоже, не все гладко.

Но и слепо доверять нечистой силе Данилюк не собирался. Возможно, что сказки врут и черти на самом деле отличные ребята, всегда готовые помочь. Но не на ровном же месте у них сформировалась такая дрянная репутация. Тем более конкретно этот открытым текстом сообщил, чем занимается по жизни.

Ересиарх. Смущает людские души. Профессия, как ни посмотри, сомнительная.

Ангел ушел из кафе первым. Достал из кармана старинные часы, тяжело вздохнул и умчался. Наверное, торопился еще кого-нибудь отвести в распределитель.

Черт тоже стал собираться. Сложил газету вдвое... еще вдвое... еще... еще... и в итоге каким-то образом свернул ее до размеров зубочистки, заложив себе за ухо. Ни официанты, ни посетители этого почему-то не заметили.

На улицу они с Данилюком вышли вместе. В отличие от ангела, черт никуда не торопился — встал у двери, достал из-за другого уха сигарету и закурил, старательно пуская дым на прохожих.

Дым у него был явно непростой. Данилюк видел его очень четким, в странных пурпурных крапинах. Прохожие, пересекшиеся с этими кольцами, на секунду вздрагивали, выпучивали глаза и ускоряли шаг. А выглядящий безобидным старичком черт довольно скалился.

Его, в отличие от Данилюка, все прекрасно видели. Кто-то даже стрельнул сигарету — черт поделился с удовольствием, причем дал какую-то особую, с черной каемкой. Потом подошли еще и свидетели Иеговы... ну или еще какие-то сектанты. Не реагируя на дым, они всучили черту пару брошюрок и спросили, верит ли он в Бога. Черт расплылся в счастливой улыбке и сказал, что еще как верит. Всей душой.

Докурив, он наклонился к Данилюку и вполголоса сказал:

— Если хочешь уйти за Кромку быстро и без проволочек, иди в Китай-город. Там дожись ночи, поброди немножко, погуляй, покружи на одном месте... и окажешься в зоне заблудших душ. Оттуда уже близко.

— Ага, зона заблудших душ... — повторил Данилюк. — А дальше?

— Сначала пойдешь через Тень. Спускаешься все глубже, глубже, глубже... и рано или поздно натолкнешься на тоннель из света или еще какой-нибудь проход. Каждый видит это по-своему. Входи туда — и через некоторое время будешь на месте. Самый верняк — третий подъезд второго дома в тупике Пустот. Там «глаз» есть — прямо в загробный мир.

Данилюк поблагодарил. Чуть неуверенно — он все еще сомневался в намерениях этого типа, — но поблагодарил. В конце-то концов, чем он рискует?

— Ты только в Лимбо не забреди, — напоследок предупредил черт. — А то туда многие забредают...

Где в Москве Китай-город, Данилюк знал прекрасно. Посещал за последний месяц неоднократно, видел кучу всякого. Прогуливался и по Никольской, и по Ильинке, и по Варварке, был на нескольких площадях и переулках.

Но вот где там тупик Пустот, Данилюк не имел понятия. Разве может в центре Москвы, рядом со стенами Кремля быть улица с таким странным, даже зловещим названием?

Впрочем, что в Китай-городе находится зона заблудших душ, Данилюк тоже раньше не подозревал. Он надеялся, что «двагис» в астральном смартфоне сумеет отыскать эти загадочные места.

Данилюк пришел сюда в тот же день. Как и советовал черт, он дождался ночи, а потом долго блуждал по закоулкам. Постепенно те становились все темнее и пустынее, живых было все меньше, а призраков — больше. Данилюк и в самом деле словно спускался в более глубокие слои Тени, хотя оставался на тех же улицах.

Изменения и в самом деле нарастали. Издали слышались чьи-то крики — не приглушенные, а четкие и ясные. Над Кремлем кружило воронье — словно огромная черная воронка. Прямо посреди мостовых появились причудливые деревья, здания странным образом изогнулись, а машины исчезли совсем.

Жуткое место. Наверное, та самая зона заблудших душ. Данилюк уверился, что где-то здесь он и в самом деле сумеет уйти на ту сторону... в мир духов.

При мысли об этом он изрядно занервничал. Его охватило чувство, которое шведы называют «риэсфебер» — туристическая лихорадка. Беспокойное состояние перед самым началом путешествия, смесь тревоги и ожидания. Перед походом в Москву Данилюк тоже ощущал что-то подобное, но гораздо слабее, поскольку в любой момент мог повернуть назад.

А вот сможет ли он вернуться, если разочарует тот свет... это большой вопрос.

Данилюк уже не знал точно, где находится. Была ночь — время, когда призраки видят лучше всего. Но почему-то вокруг становилось все темнее. Темнее и тише. Улица совершенно опустела — не видно не только живых, но и духов.

Прямо как у Блока — ночь, улица, фонарь, аптека... и тишина. Гробовая, жуткая тишина.

Навигатор чудил. На нем появились какие-то незнакомые названия — улица Кладбищенская, переулок Потерянных... о, тупик Пустот! И недалеко совсем — только свернуть за угол и пройти в арку.

За углом Данилюк увидел женщину. То ли дух, то ли живая... вокруг царил такой мрак, что сложно отличить. Виден был только силуэт — чернильно-черный и резкий, словно вырезанный из бумаги. Он шевелился, изгибался... и почему-то притягивал взгляд.

Данилюк подошел поближе и окликнул женщину. Та не ответила, только изгибаться стала еще притягательнее.

Данилюку это показалось подозрительным. Кому бы не показалось? Тем более что женщина еще и приближалась... как-то странно приближалась. Не шла, а просто подплывала все ближе.

Конечно, само по себе это странным не было. Многие призраки, особенно старые, не ходят, а парят в воздухе. Данилюк и сам иногда ловил себя на том, что забывает двигать ногами. Не нужны они духу, бесполезны.

Но эта плыла так, точно ее кто-то тянул на веревке.

Данилюк предпочел бы обойти непонятную штуку стороной, но та стояла аккуратно на пути к арке. Тупик Пустот за ней, другой дороги нет. Так что Данилюк собрал волю в кулак и снова зашагал вперед, стараясь все-таки выдерживать дистанцию.

Ему оставалось совсем немного. Десяток шагов, быть может. Проходя мимо, Данилюк окинул женщину взглядом — и невольно замедлил шаг.

Она выглядела человеком... призраком, конечно, но призраком человека. Однако неправильным. Не в том смысле, что у нее было три глаза или рога — просто... неправильным. Словно кто-то надул резиновую куклу, нарисовал на ней черты лица и оживил. И это явно не голодный дух, а просто что-то вроде пугала или даже скорее... приманки.

Данилюк невольно вскрикнул. Над фальшивой женщиной что-то шевельнулось. Что-то огромное, темное и до сего момента невидимое. В ночном небе распахнулись светящиеся глаза, разверзлась громадная пасть, а женщина... женщину просто дернуло кверху, как на леске...

— Блин!.. — выпучил глаза Данилюк, резко пускаясь наутек.

Он понятия не имел, с чем встретился, но был абсолютно уверен — это какая-то лажа. Ничего хорошего. Очередной дух-монстр, для которого он, Лешка Данилюк, просто легкая закуска.

Загадочный теневой удильщик издал шумный выдох, словно досадуя, что рано подсек наживку, и подался за Данилюком. Тот уже вбежал в арку, и монстр на пару секунд замешкался. Для такой громадины проход оказался тесен.

Рассмотреть как следует его не получалось. Да Данилюк и не стремился. Он бежал со всех ног через арку... только затем, чтобы увидеть на другом конце все те же светящиеся глаза!

Данилюк отшатнулся. Он дернулся влево, попытался пройти сквозь стену — тщетно! Здесь, в глубинах Тени, предметы стали уже совсем призрачными и не пропускали через себя духов.

Данилюк оказался в ловушке. Как мышь в мышеловке. Теневой удильщик был не настолько велик, чтобы перекрыть оба прохода разом, и не настолько мал, чтобы в них протиснуться, но он легко успевал между ними перемещаться. Ни оттуда не выйти, ни отсюда.

— Да, блин, как так-то?! — выдохнул Данилюк.

Он понятия не имел, что делать. В этот раз не похоже, что его кто-то выручит.

Самое обидное, что он ведь почти дошел, нужный подъезд уже виден. Данилюк пометался по арке, попытался отвлечь теневого удильщика, но тот перемещался слишком быстро. Еще и снова высунул свою «наживку» — карикатурное подобие женщины.

Правда, тут же убрал, поняв, что Данилюк на нее уже не клюнет.

Данилюк немного поразмыслил. Поискал вокруг взглядом — нет, ни камней, ни шпукатурки отбитой. Порылся тогда в карманах — смартфон жалко, кошелек и темные очки слишком легкие... а вот ключи будут в самый раз. Он подошел к выходу настолько близко, насколько это было возможно, повернулся к удильщику спиной, изготовился к старту и... швырнул ключи в другой выход.

Удильщик резко поднялся, перемещаясь над аркой. Данилюк же резко развернулся и помчался что есть сил. Он не оборачивался — просто несясь через двор, только что не

ощущая миазмы громадного чудовища.

Он вбежал в подъезд за четверть секунды до того, как теневой удильщик сомкнул пасть. Цепляясь за почтовые ящики, Данилюк наконец рискнул обернуться — и увидел вместо дверного проема черноту.

Однако внутрь монстр забраться не мог. Здесь Данилюк в безопасности.

Правда, есть одна проблема. Данилюк не в том подъезде. Ему нужен третий — но до третьего он добежать не успевал никак. Юркнул во второй — тот был ближе всех.

Вопрос в том, насколько это важно. Если проход на тот свет находится именно в третьем и только в третьем — придется ждать, пока удильщик не оставит его в покое.

Подождать можно, конечно. Подъезд — это не арка, тут монстр его не увидит. Если он безмозглый зверь или просто не особо умный — рано или поздно забудет, что тут кто-то есть, и пойдет искать другую добычу.

Но пока что выход перекрыт, удильщик терпеливо стережет. Так что Данилюк решил пройтись по подъезду. Мало ли — вдруг на тот свет можно перейти и из второго? Дом ведь тот же самый.

Он ничуть не удивился тому, что лифт сломан. Поднялся пешком на второй этаж... на третий... а на четвертом увидел вождеденный путь на тот свет. Данилюк каким-то образом сразу понял, что это он и есть.

Правда, на сияющий тоннель это нисколько не походило. Данилюк оказался в очень узком каменном коридоре. Под потолком висели тусклые электрические лампочки. Он прошел немного, обернулся и увидел, что пути назад уже нет. За спиной вообще ничего не было, кроме клубящейся черной мути, трогать которую совершенно не хотелось.

Значит, он уже перешел границу.

Данилюк шел по этому коридору очень долго. Несколько часов, наверное. Ничего не менялось — однообразные каменные стены, а через каждые сорок шагов — электрическая лампочка. Их света едва-едва хватало, чтобы разгонять темноту. Черт говорил, что дорога на тот свет для каждого выглядит по-своему... слегка обидно, что у Данилюка она такая скучная.

В конце концов он подошел к двери. За ней оказалась... лестничная площадка. Совершенно обыкновенная. Точно на такую же он ежедневно выходил каждое утро. Вверх и вниз поднимаются одинаковые серые лестницы, справа — лифт, напротив — металлическая дверь. Снова подъезд жилого дома — только явно уже другого.

На стенах не было никаких надписей. Какой этаж, непонятно. Немного подумав, Данилюк нажал кнопку лифта, но тот не отозвался. Лампочка не загорелась, никаких звуков не было. Данилюк безуспешно прождал несколько минут и пошел пешком.

Спускаться пришлось так же долго, как идти по коридору. То ли Данилюка занесло в какой-то сверхгигантский небоскреб, то ли он шел по лестнице Мёбиуса, но она все не кончалась и не кончалась. Поначалу он считал пролеты, но бросил, когда дошел до восьмидесяти.

По крайней мере, он не чувствовал усталости. Ноги двигались вяло, но без всякого протеста. Кажется, он мог бы идти так вечно.

Потом Данилюк вдруг сообразил, что за все это время ни разу не видел квартирных дверей. Лестничный пролет сменялся пустой площадкой, а за ней — снова лестница. Бесконечный монотонный спуск...

И только он об этом подумал, как лестница кончилась. Данилюк оказался на первом

этаже.

Он толкнул подъездную дверь и вышел... куда-то. Это совершенно точно уже не было миром живых. Даже Тенью. Снаружи простиралось... ничто. Бесконечная равнина... впрочем, не факт, что бесконечная. Все утонуло в белом тумане, земли и неба не видно... вообще ничего не видно.

А еще здесь шел снег. Снизу вверх.

Данилюк посмотрел налево, направо — нигде ничего интересного... да и неинтересного тоже. Повернулся назад — там уже не было никакой двери, никакого прохода. Точно такая же туманная пустота во все стороны.

Это и есть мир мертвых? Какой-то он... пустоватый.

Хотя не исключено, что это просто такое вот место. Какая-нибудь пустыня. Может быть, сразу за горизонтом Данилюк найдет луна-парк с бесплатными напитками и девчонками в бикини.

И он пошел.

Данилюк быстро утратил ориентацию в пространстве. Хотя ее и с самого начала-то не было. Где, что, куда... глазу не за что зацепиться. Даже в пустыне есть всякие барханы, солнце на небе, горизонт, на худой конец.

А здесь нет даже горизонта. Все просто исчезает в тумане. Данилюк сомневался, что даже земля-то под ногами есть — он попытался ее нащупать, но не смог. Возможно, он шагает по воздуху. По пустоте.

Снег вот есть. Идущий снизу вверх, но есть. Хотя... какой это, к черту, снег? Это не пойми что. Похоже на ту рябь, которая бывает в телевизоре, когда тот не ловит никаких каналов.

Не было ориентации и во времени. Данилюк понятия не имел, сколько уже так плетется — минуту, час, день?.. Он словно видел однообразный затяжной сон. Мысли текли вяло, ничего не хотелось, ни о чем не думалось.

Астральный смартфон тоже не помогал. Здесь он работал куда хуже, чем в мире живых. Навигатор показывал серую мглу, дата и время не отображались.

Как будто вокруг нигде и никогда.

Данилюк почувствовал себя обманутым. Это вот сюда он так стремился? В бескрайнюю туманную пустоту? Здесь же ничего нет.

И едва он об этом подумал, как что-то стало появляться.

Поначалу ничего определенного, просто какие-то неясные образы. Опять же как во сне — видишь что-то краем глаза, а что видишь — понять не можешь. Данилюк повертывал голову — и все исчезало.

Но постепенно образы становились четче. Что-то вроде облака... пятно земли... почему-то собачья будка... без собаки.

Вот из серого тумана выплыл как будто отпиленный кусок дома — часть пола, две стены, окно. Внутри ковер, табурет и даже телевизор. Причем включенный — только показывающий настроечную таблицу.

Данилюк ступил на ковер и некоторое время безучастно смотрел на экран. Пощелкал каналами — везде была все та же настроечная таблица. Данилюк присел на табурет, подождал немного — ничего не происходило.

Дважды обойдя вокруг этого непонятного обломка, он пожал плечами и двинулся дальше.

Ему очень хотелось кого-нибудь встретить. Кого-нибудь живого и говорящего, способного ответить на вопрос — где он, черт возьми, находится.

И едва он об этом подумал, как из тумана выплыла юрта.

Данилюк раньше никогда не видел юрт. Нет, на картинках и по телевизору-то видел, конечно, а вот живую — никогда. Но это явно была юрта — большая, войлочная, расписанная узором в виде бараньих рогов.

Хозяин юрты был низеньким и коренастым, с глазами-щелочками. Облаченный в синий махровый халат, он сидел у входа с пиалой и молча смотрел на Данилюка. Тот медленно подошел ближе и поздоровался, гадая, понимает ли этот человек по-русски.

И человек ли он вообще.

Он понимал. С шумом отхлебнув из пиалы, незнакомец жестом предложил присесть и

понимающе спросил:

— Что, надоело блуждать в тумане? Ужасно захотел встретить хоть кого-нибудь?

— Да... А откуда ты знаешь? — удивился Данилюк.

— А иначе ты бы ко мне и не попал. Тут нельзя наткнуться на что-то случайно.

— Ага... Это ведь мир мертвых? — уточнил Данилюк.

— Можно и так сказать. Это Лимбо. Царство Туманов.

— Черт! Так я все-таки забрел в Лимбо!

— Сюда многие забредают, — безучастно ответил незнакомец. — Лимбо — оно такое.

Не за тот поворот свернул — и уже здесь.

— Опять не слава богу, — вздохнул Данилюк, подпирая щеку кулаком. — Ладно, будем знакомы. Я Алексей. А тебя как величать?

— Не помню.

— В смысле? — недоверчиво уставился на него Данилюк. — Имя не помнишь? Это как?

— Здесь сложно помнить свое имя, — вяло сказал незнакомец. — Оно почему-то быстро забывается. Как в детстве дыни воровал на колхозной бахче — помню, а имя свое забыл. Ты тоже свое забудешь... через какое-то время.

Данилюка такая перспектива не обрадовала. Конечно, не так уж важно, как именно тебя зовут, но забывать все равно не хочется.

— Ладно, заходи, гостем будешь, — поднялся незнакомец.

Данилюк вошел за ним в юрту. Судя по обстановке, умер ее владелец не так уж давно. Кроме ковра, низенького столика, пары сундуков и лежанки в юрте были радио, телевизор и холодильник. Еще советского производства, правда.

— Ты родом откуда? — спросил Данилюк.

— Тоже не помню, — пожал плечами незнакомец. — Там было тепло, много солнца... Узбекистан, может?.. Или Киргизия... вертится перед глазами всякое, а точнее сказать не могу... вроде бы Киргизия...

Открыв холодильник, он достал бутылку с высоким горлышком и спросил:

— Кумыс будешь?

— Спасибо, я его как-то не очень, — отказался Данилюк. — Чего-нибудь другого нет?

— Нет. Я при жизни кумыс любил.

— И что?

— Я его очень сильно любил, — отодвинулся от холодильника киргиз. Оказалось, что полки сплошь заставлены бутылками с кумысом. — Теперь вот не могу сотворить ничего другого — просто не получается. Поневоле кумыс в голове всплывает. Так что пей, что есть... или сам что-нибудь сотвори.

— В смысле сотвори? — не понял Данилюк.

Киргиз выставил перед собой ладонь, пристально на нее уставился... и там возникла еще одна бутылка кумыса. Просто из ниоткуда.

— Это как? — заморгал Данилюк.

— Мы в Лимбе, — объяснил киргиз. — Здесь нет земли, нет воды, нет солнца. Вообще ничего нет. Есть только мы, духи, и бесконечное ничто. Вот этот туман, который вокруг нас. Я его называю Мутью. Из нее можно сотворить что угодно — если умеешь, конечно.

Он повел рукой, и из ковра выскочил небольшой табурет. Киргиз уселся на него, снова повел рукой — и в ней заблестел бокал. Пузатый, с очень тонкими стенками — ну прямо мыльный пузырь на ножке. Киргиз налил в него кумыса, отхлебнул и сказал:

— Вот посмотри на этот бокал. Думаешь, это настоящий бокал? Нет, он воображаемый. И кумыс в нем воображаемый.

— Мне они кажутся настоящими, — усомнился Данилюк.

— Конечно, кажутся. Потому что мы духи. Призраки. Поэтому здесь мы можем воображать что угодно — и для нас это будет настоящим.

— Кхм... у меня не получается... — пробормотал Данилюк, изо всех сил стараясь вообразить себе кока-колы.

— Еще бы. Это наловчиться надо. На велосипед же тоже не выйдет сразу сесть и поехать, верно? Так и здесь. Ты попробуй, потренируйся.

Данилюка это очень заинтересовало. Кто бы на его месте не захотел испытать такие возможности? Киргиз сказал, что экспериментировать лучше снаружи, чтобы взгляд ничего не отвлекало, и Данилюк вышел из юрты.

Теперь он знал, что находится в Лимбо. И, посмотрев свежим взглядом, понял, что за пределами юрты действительно ничего нет. Ни земли, ни воздуха. Однако это и не пустота, как в космосе, — просто какое-то туманное бесформенное ничто... или нечто.

Одним словом — Муть.

Из этой Мути Данилюк и принялся творить. Пытаться, точнее.

Дело это оказалось вовсе не простым. Муть легко отзывалась на его желания — сконцентрируйся, вообрази что-нибудь, и та уже меняется. Но чуть-чуть отвлечешься, подумаешь о чем-нибудь другом — и все истаивает.

К тому же нормально что-нибудь вообразить на поверку оказалось чертовски сложной штукой. Данилюк решил начать с чего-нибудь хорошо ему известного. Например... с шавермы. Самой обычной шавермы, без выкрутасов.

При жизни он съел сотни шаверм. Он почти каждое утро покупал одну перед работой и ел вместо завтрака. А что? Шаверма содержит все необходимое для полноценного питания. Хлеб, мясо, овощи. И тот азербайджанец в ларьке крутил ее изумительно вкусно.

Но у Данилюка не выходило ровным счетом ничего. В воздухе кружилось какое-то мутное месиво. Пару раз промелькнул почти что настоящий лаваш, появилась нарезанная курица — вообразить ингредиенты по отдельности еще более-менее получалось. Но воедино они не собирались.

Тогда Данилюк решил еще упростить задачу. Что-нибудь совсем-совсем простое... соль. Обычную соль. Просто белый порошок — разве это сложно?

Здесь вышло уже получше. Данилюк сконцентрировался, протянул ладонь — и на ней в самом деле появилась щепотка соли. Данилюк лизнул — и вкусом как соль. На такую элементарную вещь его воображения хватило.

Но на что-то более сложное — черта с два. Он перепробовал кучу предметов, которые при жизни видел каждый день. От пятирублевой монеты до автомобиля. Кое-что даже получалось, но неправильно, искаженно. Словно не сами предметы, а карикатуры на них.

— Зрительная память у тебя не очень, — прокомментировал сидящий поодаль киргиз. — Но ты продолжай, продолжай. То, что видел часто, рано или поздно получится.

— А то, что редко? Или вообще никогда? — спросил Данилюк. — Царскую корону какую-нибудь можно так вообразить?

— Даже и не пробуй, не получится, — почесал живот под халатом киргиз. — Здесь не сознание работает, а подсознание. Думаешь, мне вот приятно один только кумыс пить? Но другие напитки у меня просто не получаются. Хотя поверь, при жизни я их повидал

немало...

Данилюк поэкспериментировал еще немного. Получались у него пока только вещи совсем простые и однотонные, вроде той же соли. Сотворив в конце концов свежую травинку, он задумчиво осмотрел ее с разных сторон и спросил:

— А как это вообще работает? Почему эта Муть нас слушается?

— Потому что мы духи. А Муть — это... тоже вроде духа, только не оформившегося. У нее реальность очень слабая, вот ее и легко оформить во что захочешь.

— Реальность слабая?.. — не понял Данилюк. — В смысле?

— Реальность — это тоже физическая величина. Как масса, как плотность. Одни вещи тяжелее других, плотнее... или реальнее. В мире живых вот реальность сильная, поэтому там мысль — это просто мысль, она ни на что не влияет. А в мире духов реальность слабая, поэтому здесь мысль — это как физическое воздействие. Чем тоньше мир, тем слабее в нем реальность, а среди миров духов Лимбо — самый тонкий. Поэтому тут можно творить всякое просто воображением.

— Но оно все не настоящее, — подытожил Данилюк, глядя на исчезающую травинку. — Просто такая правдоподобная выдумка.

— Да, как в осознанном сне. Произойти может что угодно, но все не по-настоящему. Хотя некоторым это нравится. Если у тебя сильная воля и хорошее воображение, в Лимбе можно жить царем — дворцы себе возводить, подданных выдумывать, гаремы с любимыми киноактрисами... Только вот те, у кого воля сильная и воображение хорошее, — они обычно обретаются в местах поинтереснее. Сюда попадают такие, как мы с тобой, — серые и никудышные.

— Это я-то серый и никудышный? — обиделся Данилюк.

— А иначе б ты сюда не попал.

— Да иди ты...

— Что, правда глаза колет?

Прихлебывая кумыс, этот тип без имени поведал гостю, что Лимбо — это сумеречное пространство. Этаким астральный отстойник, обочина миров. Сюда попадают астральные «бомжи» — вроде самого Данилюка. Души здесь прозябают без цели и смысла, пока наконец не улетят на перерождение.

Следующие несколько дней Данилюк именно так и провел. Без цели и смысла, творя из Мути всякую чепуху.

Возможно, не несколько дней, а несколько недель. Или даже несколько месяцев. Отмерять время не получалось, оно текло как-то странно.

Хозяин юрты его не гнал. Сам он вообще ничего не делал — просто сидел перед входом и пил кумыс, таращась в бесконечный туман. Иногда перемещался внутрь и точно так же сидел на ковре и пил кумыс, таращась на телеэкран.

Телевизор в юрте показывал только старые советские фильмы и телепередачи. Особенно часто — «Место встречи изменить нельзя». Видимо, при жизни киргиз этот сериал очень любил.

С радио обстояло еще хуже. Большую часть времени оно хрипело и трещало, лишь изредка прорываясь невнятными мелодиями и песнями каких-то акынов.

Других развлечений не было. Данилюк пытался сотворить себе книг, но те получались похожими на типографский брак. Часть страниц чистые, на других буквы перемешаны как попало и лишь кое-где осмысленные отрывки. Данилюк быстро понял, что это зависит от

того, насколько хорошо он помнит текст.

Более-менее удачно получились только «Сказки» Пушкина. Любимая книга детства Данилюка — с крупным шрифтом, богато иллюстрированная. Именно по ней он учился читать, каждую сказку перечитывал раз по двадцать и по сей день мог цитировать целые куски. Неудивительно, что она сотворилась почти в точности.

Почти. Последняя сказка, про золотого петушка, пестрела лакунами. Данилюк любил ее меньше остальных, перечитывал реже, помнил хуже.

Поначалу эти игры с воображением забавляли, но со временем надоели. По сути, это оказался просто объемный холст, на котором Данилюк мог нарисовать все, что захочется. Возможно, человек с более богатым воображением получил бы от таких возможностей несказанное удовольствие.

Но у Данилюка не было богатого воображения и творить у него получалось только самые простые и хорошо знакомые вещи. А что в этом интересного? Довольно быстро он начал скучать.

В Лимбо вообще было невыносимо скучно. До ужаса, до чертиков скучно. Про себя Данилюк даже стал именовать его Скучным Миром. Здесь ничего никогда не происходило, ничего никогда не случалось. Здесь не было никого и ничего, кроме вот этой юрты и безымянного беспмятного призрака в ней.

Нет, разумеется, в Лимбо еще бесконечное множество других вещей и жителей. Но все это — где-то там, в бесконечных далях серого тумана.

Данилюк бы давно ушел, но куда? У Лимбо, как он понял, нет карты. Предметы и жители расположены здесь не в конкретных местах, а просто... незнамо где.

К тому же с каждым днем Данилюк становился все апатичнее. Все реже о чем-то думал, все реже что-то делал. Как и киргиз, он все больше времени проводил, просто сидя на одном месте и глядя в никуда. Иногда ему казалось, что он потихоньку растворяется в этой Мути.

И так продолжалось, пока Данилюк что-то не услышал. Далекий-предалекий шепот, бормотание. Кто-то вдали обращался к нему по имени.

— Алеша... Алеша...

Отойдя от оцепенения, Данилюк прислушался и стал понемногу узнавать голоса. Один принадлежал маме, другой отцу, третий сестре.

Они говорили о нем. Вспоминали его. Мама с умилением рассказывала какую-то детскую историю...

Еще прислушавшись, Данилюк понял, что они сейчас у его могилы. Пришли навестить. И каким-то образом он их услышал... здесь...

А потом они еще и что-то положили на могилу. Цветок. Гортензию. Данилюк каким-то образом услышал и ее... увидел... почувствовал запах...

И она появилась у него в руках. Воплотилась здесь, в Лимбо.

На душе потеплело. Пусть на несколько секунд, но Данилюк почувствовал себя как-то... живее.

Он встал с табурета, на котором просидел... который день он уже тут сидит?..

Нет-нет, надо сваливать, надо выбираться. Куда угодно, пусть хоть в ад к чертям, лишь бы подальше от этой серой обволакивающей пустоты.

Приняв такое решение, Данилюк подошел к сидящему перед телевизором киргизу и сказал:

— Объясни мне, где я нахожусь.

— В Лимбе, — неохотно разомкнул губы дух.

— Нет, это-то я понял. А где находится Лимб?

— Правильно произносить Лимбо. С «о» на конце. Хотя можно и Лимб... кому какая разница? Лимбо, Лимб... Он же Отстойник, он же Предбанник. Прослойка между Хаосом и Упорядоченным.

— Ни черта не понял.

— Давай объясню, — поднялся над полом киргиз.

Он сосредоточился и достал из ниоткуда большой лист бумаги. Пришпилил его к воздуху и сотворил несколько цветных карандашей. Словно заправский лектор, киргиз нарисовал на листе нечто вроде схемы планеты в разрезе — с мантией, корой, ядром.

— Вот, смотри, — сказал он, подписывая кольца. — Это так называемые Семь Сфер. Семь уровней пространственной глубины. Именно между ними ты перемещаешься, если движешься не в одном из стандартных трех измерений, а по четвертому.

— По четвертому, — покладисто кивнул Данилюк. — Ладно.

Он умер, стал призраком и попал в Лимбо. Четвертое измерение его удивить уже не сможет.

— Значит, так, — ткнул пальцем в бумажку киргиз. — Третья Сфера — это материальный план. Классическое пространство. Мир живых. За ним — Четвертая Сфера. Ее называют Тенью, Сумраком, Глубиной, Зазеркальем... кто во что горазд. Она уже не совсем материальна, но еще и не полностью астральна. Пограничная зона. А дальше Пятая Сфера — это уже полностью астральный план, где живут духи.

— А дальше? — заинтересовался Данилюк.

— Дальше материальности становится еще меньше. Сначала Шестая Сфера, где витают уже не духи, а сновидения, а потом и вовсе Седьмая — ментальный план. Ноосфера. Там уже не сновидения, а фантазии. Информационные пакеты.

— А чем они... э-э-э... разделены?

— Ничем. Между ними нет границ, они плавно переходят друг в друга. Как слои в атмосфере. Тропосфера — Тень, стратосфера — Астрал, мезосфера — Сон, термосфера — Ментал. А внизу всего этого земля — это материальный план.

— А под землей тогда что? Что такое Вторая Сфера?

— А там материальность, наоборот, повышается. Это место обычно называют гиперпространством... но про него я уже мало знаю. Не бывал там.

— А еще дальше? В самом центре?

— А этого я не знаю совсем. Слышал только, что там тоже что-то есть, но что именно... черт его разберет. Какое-то ядро.

Данилюк хмыкнул, разглядывая картинку. Первая Сфера единственная осталась неподписанной.

— Ты кем вообще при жизни был? — спросил он. — Профессором каким-нибудь, что ли?

— Не исключено, — пожал плечами киргиз. — Но я не помню. Хотя выступить перед аудиторией мне доводилось, это я помню. Кажется, я был учителем... в старшей школе... или даже институте... Маленьких детей я на своих занятиях не помню — молодежь в основном.

— А что преподавал? Физику?

— Может быть. Не помню. По схеме у тебя вопросы есть?

— Есть один, — взял бумажку Данилюк. — Где здесь Лимбо?

— Вокруг всего остального, — показал киргиз. — Лимбо — это как шпукатурка между миров-кирпичей. Отсюда можно попасть в Тень, в астральный план, в миры снов... или вообще в какой-нибудь другой мир. И в Хаос тоже можно.

— Хаос?..

— Это уже совсем другая тема, — отмахнулся киргиз. — Смотри, вот эта часть Лимбо, где мы находимся, принадлежит нашему миру, Земле. Такой как бы порожек у двери. Ты сюда именно так и попал — шел по Тени, да споткнулся где-то и промахнулся мимо Астрала. Бывает по неопытности. Я и сам сюда когда-то попал именно так... деталей не помню уже...

— И с тех пор так и не сумел выйти? — напрягся Данилюк.

— Да нет, отчего ж... Покинуть-то Лимбо — дело нехитрое. Это почти так же просто, как и попасть сюда. Я уже несколько раз уходил — но всегда потом возвращался.

— Почему? — не понял Данилюк.

— А мне тут нравится. Место как раз для меня.

— А что делать тому, для кого это место... не совсем подходит?

— Да просто уйти, — пожал плечами киргиз. — Видишь, где тут на схеме Лимбо? Если пойдешь сюда, к центру, вернешься в мир живых. В Тень. А если вот сюда, вбок — тогда в мир мертвых.

— А если я пойду в другую сторону? — провел пальцем Данилюк. — От центра?

— Попадешь в другой мир живых.

— А их что, несколько?

— Говорят, бесконечное множество. Слышал о параллельных мирах?

— Слышал, конечно... И что, отсюда в них можно попасть?

— Можно. Из Лимбо куда угодно можно.

— Так, может... мне тогда туда лучше? — задумался Данилюк.

— Если хочешь. Дело твое.

— Но я ведь там не оживу, верно? — уточнил на всякий случай Данилюк.

— Нет, конечно, с чего бы вдруг? Останешься точно таким же призраком, только уже в чужом мире. Я все-таки советую в мир мертвых. Там нашему брату комфортнее.

— Хорошо, в мир мертвых так в мир мертвых, — согласился Данилюк. — Куда мне... идти? Я же правильно понимаю, что просто пешком я никуда не дойду?

— Можно и пешком, но это может не получиться. Тут опыт нужен. Ты лучше вот как сделай. Иди туда... или вон туда... в любую сторону иди. И все время при этом желай: «хочу уйти, хочу уйти». Только очень сильно желай. Выйдешь на станцию. Там и жди.

— На станцию?..

— Скорее всего, на станцию. Ты же с Земли, двадцатый век.

— Двадцать первый уже.

— Не важно. Приедет поезд или автобус... Хотя, возможно, для тебя это как-то иначе будет выглядеть. Ты на самолетах часто летал?

— Ни разу.

— А на кораблях?

— На прогулочных только, по Волге. Недолго.

— Тогда точно станция. Иди.

И Данилюк пошел.

Это действительно оказалась станция. Даже скорее полустанок. Сначала в бесконечном мутном тумане появились рельсы — самые обычные, железнодорожные, — а потом рядом с ними показался крохотный полустанок.

На платформе не было ни души. Темнота, густой туман и одинокий пятачок света. Над головой висела сорокаваттная электрическая лампочка, засиженная мухами. Все выглядело совсем так же, как на железнодорожной станции в какой-нибудь глуши. Была даже касса — правда, без всяких признаков жизни. Данилюк на всякий случай постучал в закрытое окошко, но ответа не дождался.

Вряд ли там кто-нибудь есть. Если верить киргизу, этот полустанок родился из его собственного подсознания. Как и все в Лимбо — ничто не настоящее, все появляется лишь потому, что кто-то об этом думает.

Нет, но киргиз-то был настоящий, конечно. Или тоже нет?.. Может, он появился просто потому, что Данилюку нужна была помощь?

Нет, вряд ли. Подсознание создало бы знакомый и привычный образ. Как вот этот полустанок — когда Данилюк был маленьким, то часто ездил с бабушкой на электричке. В Безенчук, Царевщину, Новосемейкино и другие поселки — в гости к ее многочисленным родственницам и подругам. И эти маленькие железнодорожные станции могли слиться во что-то подобное.

Но юрта, киргиз, холодильник с кумысом... Данилюк был уверен, что в его подсознании нет ничего похожего. Значит, это все-таки был такой же призрак, как он сам. Только более опытный.

Немного похажив по станции, Данилюк не нашел ничего интересного. Платформа возникала из ниоткуда и снова исчезала во мгле. Касса — просто декорация. Людей нет.

Так что Данилюк просто уселся на лавочку и принялся ждать.

Поезд подъехал совершенно беззвучно. Появился из тумана и замер. Двери в вагонах открылись, но из них никто не вышел.

Данилюк осторожно поднялся по ступеням и заглянул внутрь. Проводника не было. Он сделал еще шаг — и дверь за спиной закрылась. Поезд тронулся.

Теперь дороги назад не было. Данилюк внимательно осмотрел тамбур... тот выглядел совершенно обычным тамбуром. Разве что за окнами ничего, кроме белесого тумана.

Вагон тоже выглядел обычным вагоном. Сидячим, как в электричке. Возможно, здесь есть и вагоны с полками — купейные, плацкартные, — но Данилюк в этом сомневался. Зачем духам лежачие места? Им и сидячие-то не особо нужны — это скорее дань привычке.

В отличие от станции, в поезде люди были. Совсем немного, но были. Причем некоторые из них... не люди.

Был тут краснокожий рогатый тип, похожий на классического черта из сказки. Был безрукий уродец в белой маске, похожий на жуткого хатифнатта. Была бесформенная фиолетовая туша, растекающаяся во все стороны, но каким-то образом не превращающаяся в лужу. К счастью, на голодных духов эти чудища не походили — просто пассажиры, едущие куда-то по своим делам.

Постаравшись никого не потревожить, Данилюк прошел к свободному месту. Он с напряжением ожидал кондуктора или контролера. У него не было билета. Касса же на

станции не работала. Возможно, билет можно купить здесь... но денег у него тоже нет. Все истратил в баре для призраков.

Да и какие вообще деньги в Лимбо?

Но пока что никто с Данилюка ничего не спрашивал. Другие пассажиры тоже не обращали на него внимания, так что он просто сидел и смотрел в окно.

Время от времени за ним что-то проносилось. Оказывается, даже в Лимбо иногда встречаются всякие... объекты. Порой то были разные строения — от типовых домиков до фантазмагоричных дворцов. Порой — своего рода кусочки природы. Несколько деревьев, озерцо, скала. Порой поезд проносился сквозь натуральный космос — с планетами, звездами. А порой Данилюк видел такие штуки, которые просто не получалось описать. Сюрреалистичные картины, воплощенный абстракционизм.

Просидев так с полчаса, Данилюк вдруг сообразил, что понятия не имеет, где и когда ему выходить. Пока что поезд ни разу не останавливался. Хорошо, если тут объявляют станции — а если нет? Неплохо бы выяснить расписание... может, оно где-нибудь вывешено?

Он прошелся по вагону — нет, нигде и ничего. Проводника тоже не видно. Можно было спросить у пассажиров, но Данилюк решил вначале заглянуть в другие вагоны.

Он пошел по направлению движения. Даже если проводников тут нет вообще, машинист-то быть должен.

Или нет?..

Следующий вагон тоже оказался сидячим, с редкими пассажирами. И следующий. А вот за ним нашелся купейный — выходит, они тут все-таки есть. Все двери были заперты, в проходе царил темнота и разливалась натуральная жуть, так что Данилюк не стал задерживаться.

Но и следующий вагон не принес ничего полезного. И следующий. А следующий вообще был товарным, с грудями каких-то ящиков и мешков. На них дремал небывало крупный дядька в широкополой шляпе.

[Купить полную версию книги](#)